

И. В. Черновол

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОЗЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Ф. ВОВКА В УКРАИНУ

Статья посвящена описанию обстоятельств командировки А. Алешо ученика Федора Вовка (Волкова) в Петербург для перевозки в Киев материалов и документов Ф. Вовка, завещанных им Украинской академии наук. Именно благодаря усилиям А. Алешо в Украине стало возможным открытие институции, призванной изучать антропологию, этнологию и древнюю историю — Музея антропологии и этнологии им. Ф. Вовка.

Ключевые слова: история археологии, персоналистика, А. Алешо, Музей антропологии и этнологии им. Ф. Вовка.

В марте 1921 года в украинской науке произошло значимое событие. Именно тогда был основан и начал действовать Музей антропологии и этнологии имени профессора Ф. Вовка. Это важное событие стало возможным благодаря многим обстоятельствам, но некоторые из них оказались ключевыми в этой истории.

Одним из них стало завещание Федора Кондратьевича Вовка, составленное в июне 1915 г., за три года до смерти [НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 429]. В документе ученый указывал на необходимость создания в Украине учреждения, которое бы занималось изучением антропологии, этнологии и древней истории. Такой институт он видел в структуре будущей Академии наук. И именно для такого учреждения он завещал свои многочисленные материалы: большую библиотеку [Федір Вовк, 2009; Черновол, 2009; 2011], которую начал собирать еще в Париже; огромный архив, в котором как в зеркале отразилась жизнь и деятельность ученого, ценные коллекции, собранные во время археологических и этнографических экспедиций, картотеки антропометрических измерений.

© И. В. ЧЕРНОВОЛ, 2012

В 1918 г. Ф. Вовк был приглашен в Киев на должность заведующего кафедрой географии и этнографии Киевского университета [НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 429ж]. Также его пригласили членом Комиссии для выработки законопроекта о создании Украинской Академии наук, работать над уставом которой он начал еще в Петербурге [НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 304]. Ф. Вовк имел огромное желание вернуться в Украину, работать для украинской науки. С этой целью в начале июня 1918 г. он оставил Петербург. Но путешествие в Украину стало для него фатальным. Простудившись по дороге, Федор Кондратьевич Вовк умер 29 июня 1918 г. [Франко, 2001, с. 128].

Еще до отъезда в Киев Ф. Вовку было выдано удостоверение на его имя о неприкосновенности квартиры — так ученый позаботился о сохранности документов перед тем, как покинуть Петроград [НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 429е]. А после его смерти по просьбе П. Стебницького (душеприкажчика Ф. Вовка) было принято обращение к Непременному секретарю Российской Академии наук С. Ольденбургу о мерах, относительно сохранности квартиры Ф. Вовка «де знаходяться рукописи і анкетні листи по племінному складу населення Росії, єдині в своєму роді (уніки) і бібліотека з спеціально підібраними відділами». К счастью, материалы ученого уцелели, были сохранены, хотя от момента транспортировки в Киев их отделяло 2,5 года.

Еще одним знаковым событием стал поступок молодого ученого Александра Алешо, ученика Ф. Вовка, который взялся перевезти из Петрограда в Киев научное наследие своего учителя. А. Алешо сыграл огромную роль в создании Музея. В течении нескольких лет, прошедших между смертью Ф. Вовка (1918 г.) и

организацией перевоза его научного наследия, А. Алешо готовил почву для создания такого учреждения в Украине.

Еще в августе 1918 г. на заседании Комиссии по образованию законопроекта о создании Украинской академии наук обсуждался вопрос о том, что необходимо командировать А. Алешо в Петроград для транспортировки научного наследия Ф. Вовка в Киев [Исторія Академії, 1993, с. 50]. Уже через месяц он подает той же Комиссии Записку об организации и программах Музея антропологии и этнологии и Антропологического института при УАН [Исторія Академії, 1993, с. 88-92]. В силу многих причин лишь в конце 1920 года Всеукраинская академия наук смогла командировать А. Алешо в Петроград, чтобы перевезти завещанные Украине материалы выдающегося ученого. И именно по инициативе А. Алешо Музеем было присвоено имя Ф. Вовка, что отражено в докладных записках об организации Музея антропологии и этнологии к Общему собранию УАН: в датированной 1918 годом [Исторія Академії, 1993, с. 90] и поданной сразу после перевоза в 1921 году научного наследия Ф. Вовка в Киев [НА ИИФЭ, ф. 44/2, л. 1 обр.].

Надо заметить, чаще имя А. Алешо упоминалось в связи с деятельностью самого Ф. Вовка в

А.Г. Алешо. 1913—1914 гг. Из фондов НА ИА НАНУ

Санкт-Петербургском университете, многочисленных научных обществах, Русском музее и т.п. [Тихонов, 2003; Франко, 2000; 2001; Таран, 2001; 2003]. Его собственный научный интерес к антропологии и этнографии подтверждается исследованиями, в которых находим единичные ссылки на деятельность А. Алешо [Сегеда, 2001; Козак, 2005; Рудич, 2005; Литвинова, 2007]. И только в последние годы О. Руда обратилась к исследованию его жизненного пути, научного потенциала и его роли в сфере организации украинской науки [Руда, 2009; 2010а; 2010б; 2011].

Родился Александр Гаврилович Алешо 9 ноября 1890 года в селе Грушки Балтского уезда Подольской губернии (сейчас г. Ульяновка Кировоградской обл.). Среднее образование получил в Уманской классической гимназии. Высшее образование — сначала в Киевском, потом в Петербургском Университете. Специализировался на изучении географии и этнографии естественного разряда на физико-математическом факультете. Участвовал в ряде научных экспедиций Российского антропологического общества и Этнографического отдела Русского музея Александра III. Был сотрудником Российского музея, членом Комиссии по составлению анкеты для этнографического изучения населения Украины, действительным членом Российского географического общества, Комиссии по изучению этнического состава населения России при РАН, Российского антропологического общества при Петербургском университете и др. [НА ИИФЭ, ф. 44/1 л. 1—1обр.].

В 1918 году А. Алешо переехал в Киев, организовал курсы Естественного факультета, вечерние курсы Украинского рабочего клуба, где читал лекции по антропологии и этнографии. С 1919 года — действительный член-секретарь Украинского научного общества в Киеве, председатель секции сельскохозяйственного народного быта, председатель этнографической секции Всеукраинского комитета охраны памятников старины и искусства и редакции «Крайиздата» по антропологии, этнографии и истории первобытного общества, председатель музейной секции художественно-промышленного отдела Наркомпроса. А. Алешо — основатель Музея антропологии и этнологии им. Ф. Вовка при ВУАН, автор «Устава музея», руководитель секции этнографии археологической комиссии ВУАН [НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 431].

Исследователь О. Руда отмечала, что огромное воздействие на становление А. Алешо как личности и формирование его научного мировоззрения оказали два человека. Один из них — Д. Щербаковский, который преподавал в Уманской гимназии в то время, когда А. Алешо учился в старших классах. Также неоспоримым является влияние на

будущего исследователя личности Ф. Вовка, лекции которого он слушал во время учебы в Петербургском Университете, под его же руководством проходил практические занятия. Для юного А. Алешо встреча с такими выдающимися персонами и работа под их началом стала отправной, решающей точкой в жизни [Руда, 2011].

Основным вкладом А. Алешо в развитие Украинской академии наук по праву считается инициирование и создание Музея антропологии и этнологии им. Ф. Вовка. Благодаря отчету о командировке, мы сможем проследить весь путь перевозки научного наследия Ф. Вовка в Украину. Процесс их транспортировки зафиксирован в отчете расходов на командировку А. Алешо в Петроград. Документ хранится в фонде Ф. Вовка (документы Музея антропологии и этнологии им. Ф. Вовка) в Научном архиве Института археологии НАН Украины и может раскрыть нам множество подробностей, мельчайшие детали этой поездки [НА ИА НАНУ, ф.1, д. 433].

Как уже отмечалось, в 1918 г. в Комиссию по выработке законопроекта поступила записка от А. Алешо об организации и программе Музея антропологии и этнологии при УАН с изложением программы и предложениями по организации Музея. А в ноябре 1920 г. на Общем собрании ВУАН было принято решение "видати акад. М.В.Птусі <...> 200 тис. крб. на перевезення тих книгозбірень, які належать Українській Академії наук, а саме — колишньої бібліотеки А. Ю. Кримського [<...>] та бібліотеки покійного Ф. К. Вовка в Петербурзі" и отправить в Россию А. Алешо для перевозки наследия Ф. Вовка в Киев [Історія Академії, 1993, с. 460—461].

Началом пути мы можем считать 4 декабря 1920 года. В этот день А. Алешо прибыл на вокзал Киев пассажирский. Предварительно он посетил Академию наук, которая размещалась по ул. Владимирской, 54, и взял два тюка книг, вероятно, для обмена. Посетил дом на ул. Благовещенской, 79, видимо там была его квартира (согласно квитанций об оплате коммунальных услуг, хранящихся в НА ИА НАНУ). Он сдал багаж и сел в поезд, который направлялся в Москву.

В Москву он приехал только 7 декабря. С Брянского вокзала отправился на Трубниковский переулоч, 13, где, видимо, остановился. Несколько дней ушло на визиты в Государственное издательство. Оттуда А. Алешо, перевозил на Трубниковский переулоч книги и другие материалы. Ещё один день ушел на визит и доставку книг из Научного общества «Любителей естествознания и антропологии», которое размещалось на Лубянской площади. Путешествие ученого продолжилось 11 декабря — он отбыл с Петроградского (бывшего Николаевского) вокзала Москвы в Петроград.

А.Г. Алешо. 1916 г. Из фондов НА ИА НАНУ

По официальным данным, Николаевским вокзал оставался до 1923 г. Хотя в своем отчете А. Алешо называет его Петроградским.

13 декабря 1920 года он прибыл на Московский вокзал в Петрограде. Оттуда отправился на 8-ю линию Васильевского острова, дом 49-А. Там, видимо, он и разместился, поскольку именно с этого адреса он развозил книги, привезенные из Киева. Сохранились записи о найме извозчиков для доставки грузов в Академию наук, расположенную на Университетской набережной; на улицу Инженерную, 4, где и донныне расположен Русский музей; на 23-ю линию Васильевского острова (организацию выяснить пока не удалось); а также Демидов переулоч, 8-А, где в то время находилось Русское географическое общество.

Одновременно с доставкой привезенных из Киева книг, А. Алешо начал хлопотать об упаковке материалов Ф. Вовка. Он внес некоторую сумму денег (20 000 руб.) Петроградской комиссии улучшения положения ученых в счет платы за ящики для упаковки материалов. Он заказал 50 ящиков и перевез их с ул. Халтурина (Миллионная) из Дома ученых на Инженерную, 4. Именно по этому адресу (Русский музей) А. Алешо стал собирать все материалы.

19	14/1921	1	За рішенням і доробками до згаданих кращих (50кг) рахунок по 1200 карт за злив; фрахтовий	60 000 карт
20	14/1921	18	За перевезення книжок і матеріалів з приміщення проф. Хв. Вовка в базисний склад-подвал з 4 дні роботи 10,11,12,13 січня; расписка	12 000 карт
21	17/1921	19	За перевезення універсального матеріалу (100кг рогожа) з складу Райкредиту на Інженерну 4; расписка	30 000 карт
22	17/1921	20	За перевезення книжок з Ермітажу на Інженерну 4, за дві подорожі; расписка	10 000 карт
23	17/1921	21	За перевезення книжок з Петрогра- дської Університетської на Інженерну 4; расписка	7 000 карт
24	24/1921	22	За перевезення книжок з складу "Академія Матеріальної Культури" на Інженерну 4 за 3 подорожі; расписка	15 000 карт
25	25/1921	2	За схилення, монтаж та зливку рахунків	58 000 карт
26	24/1921	3	За розбирання та утилізацію книжок і наукових матеріалів, за 5 днів роботи, рахунок по 5000 карт в день; рахунок	25 000 карт
27	31/1921	23	За поштову, розбирання і перевезення книжок з Центр. Бібл. Ерміта- жу на Інженерну 4; расписка	36 000 карт
Загальне				250 000 карт
				392 500 карт
Транспортом				285 000 карт

Страница из «Звідомлення видатків на командировку до Москви та Петрограду в справі перевезу наукових колекцій, матеріалів та книжок проф. Хв. Кіндр. Вовка...»

Логично предположить, что некоторая часть научного наследия Ф. Вовка хранилась здесь, на Инженерной. О. Франко отмечала, что последний год семья ученого жила именно по этому адресу — в квартире при Русском музее [Франко, 2001, с. 127]. Этим объясняются сведения, что библиотека Ф. Вовка до момента ее перевозки в Украину (около двух с половиной лет), хранилась в Русском музее [НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 430а, л. 2]. То же самое подтверждается и в отчете А. Алешио — им выдана оплата рабочим «за переноску книжок і матеріалів з приміщення проф. Хв. Вовка в базисний склад-подвал з 4 дні роботи 10, 11,12, 13 січня». Несколькими

днями раньше (5 января) он перевозил «з 16 лінії В.О. Василевського острова д.29 на Інженерну 4 книжок, наукових матеріалів та колекцій, з 4 подорожі».

Известно, что упаковка материалов ученого осуществлялось в течение нескольких недель (декабрь-февраль). К заказанным ранее ящикам были изготовлены крышки, доставлялся упаковочный материал (рогожа) для лучшей сохранности и транспортировки.

В то же время ящики с книгами все свозились: из Эрмитажа, Петроградского университета, складов Академии материальной культуры, Петроградской стороны (ул. Б. Гребенская), Демидова переуллка, из подотдела «Ученых

Учреждений и Высших Учебных Заведений г. Петрограда». При этом книг перевозилось так много, что извозчик делал по несколько ходок в день. Очевидно, что в Киев А. Алешо вез не только научное наследие своего учителя, но и издания для научных учреждений Украинской академии наук.

Уже имеющихся ящиков оказалось недостаточно, и А. Алешо заказал еще 50 ящиков с крышками, которые доставил на склад на Инженерной. Тут же под присмотром А. Алешо рабочие разбирали, сортировали, упаковывали материалы ученого. В отчете значится, что им было заплачено за «40 день работы».

Наконец все было упаковано. Пришло время доставлять материалы на вокзал и ехать домой — в Киев. Груз перевозили на подводе, делая три ходки. В вагон было погружено 86 ящиков книг, дрова, доски и другое. 7 марта в Киев была отправлена телеграмма об отъезде.

На несколько дней была сделана остановка в Москве. Об этом свидетельствуют записи А. Алешо, который отчитался за отправку еще нескольких телеграмм уже из Москвы — от 10.03.1921 и 15.03.1921. Вероятно, эти даты могут быть днями приезда и отъезда из Москвы. Здесь тоже началась погрузка и перевозка книг из Трубниковского переуллка на Брянский вокзал Москвы.

В конце концов, после долгого пути 19 марта 1921 г. А. Алешо вместе со своим ценным грузом прибыл на Товарную станцию Киева. Был нанят извозчик, который перевозил груз на Владимирскую, 54 — в помещение Академии наук.

Общее собрание УАН 29 марта 1921 года приняло решение о создании Музея антропологии и этнологии имени профессора Ф. Вовка. Был сделан первый шаг к тому, чтобы привезенные ценные материалы, книги, коллекции ученого начали служить исследователям не только Украины, но и многих других стран. Первым заведующим Музея бесспорно был назначен Александр Гаврилович Алешо. К сожалению, тяжелые условия жизни голодных и холодных лет стали фатальными для него — он заболел туберкулезом и в апреле следующего года умер. Его судьба — пример ученого, который сформировался как незаурядная личность на лучших достижениях системы образования и науки дореволюционной эпохи. Он прожил недолгую жизнь, но его научный и организационный вклад в систему украинской науки был многогранным. Созданный его усилиями Музей антропологии и этнологии имени профессора Ф. Вовка проработал более десяти лет, его ожидали многие события, проблемы, перемены. В 1934 году он стал частью Института истории материальной культуры (сегодня Институт археологии НАН Украины). Собранные Ф. Вовком на протяжении его жизни материалы и сегодня имеют огромную научную ценность. Часть из них (личный архив ученого и

его библиотека) хранится в Научной библиотеке и Научном архиве ИА НАНУ. Они по-прежнему служат исследователям многих стран, не теряя своей актуальности по сей день.

Історія Академії наук України. 1918—1923. Документи і матеріали. — К., 1993. — 576 с.

Козак О.Д. Населення Києва Х—ХІІІ ст. за даними палеопатології : Автореф. дис. ... канд. іст. наук / О.Д. Козак. — К., 2005. — 19 с.

Литвинова Л.В. Населення Нижнього Подніпров'я 12 — початку 15 ст. за антропологічними даними: автореф. дис. ... канд. іст. наук / Л.В. Литвинова. — К., 2007. — 20 с.

НА ИА НАНУ (Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины), ф. 1, оп. 1, д. 304.

НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 429.

НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 429е.

НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 429ж.

НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 430а.

НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 431.

НА ИА НАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 433.

НА ИИФЭ (Научный архив Института искусствознания, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рильского), ф. 44/1.

НА ИИФЭ, ф. 44/2.

Руда О. Музей антропологии та етнології ім. Хв. К. Вовка при ВУАН у творчій спадщині О.Г. Алешо / О.Руда // Історія української науки на межі тисячоліть / відп. ред. О.Я. Пилипчук. — Вип.46. — К., 2010а. — 257 с. — С. 191—200.

Руда О.З. Олександр Гаврилович Алешо (1890—1922) — вчений та організатор української науки. [Ел. ресурс] / О. Руда // Історія науки і біографістика 2011 — N2 Точка доступу: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/inb/2011-2/11_ruda.pdf (от 5.05.2012).

Руда О. Роль О.Г. Алеші у становленні та діяльності Української Академії наук (1919—1922 рр.) / О. Руда // Матер. Сьомої Всеукр. наук.-практ. інтернет-конференції «Україна наукова». — Київ, 20—22 грудня 2010 р. — Ч. 5. — С. 65—69.

Руда О.З. Формування особистого та наукового світогляду О.Г. Алешо (1890-1922) / О.З. Руда // Національна сільськогосподарська бібліографія як складова програми інформатизації аграрної галузі України / О.З. Руда. — К., 2009. — С. 194—197.

Рудич Т.О. Населення черняхівської культури України за матеріалами антропології 2005 года: автореф. дис. ... канд. іст. наук / Т.О. Рудич. — К., 2005. — 19 с.

Сегеда С. Антропология: навч. посібн. / С. Сегеда — К.: Либідь, 2001. — 336 с.

Таран О.Г. Наукова спадщина Федора Вовка в галузі антропології: спадкоємність традицій та сучасне бачення: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Олена Григорівна Таран. — К., 2003. — 15 с.

Таран О. Петербурзький період наукової та педагогічної діяльності Федора Вовка / О.Г. Таран // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Українознавство. — Вип. 5. — К., 2001. — С. 30—34.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историограф. Очерки / И.Л. Тихонов. — СПб., 2003. — 332 с.

Федір Вовк і його книжкове зібрання / Уклад. і авт. передм. І. В. Черновол. — К., 2009. — 39 с.

Франко О. Народознавчі студії О.Г. Алеші // Народна творчість та етнографія / О.О. Франко, В.К. Борисенко. — К., 1990. — № 4. — С. 20—23.

Франко О.О. Наукова та суспільно-політична діяльність Федора Кіндратовича Вовка: авто-реф. дис. ... докт. іст. наук / О. О. Франко. — К., 2000. — 34 с.

Франко О.О. Федір Вовк — вчений і громадський діяч / Оксана Омелянівна Франко. — К., 2001. — 378 с.

Черновол І.В. Книжкове зібрання Федора Вовка у фонді бібліотеки Інституту археології: історія походження / І. В. Черновол. — // Українська біографістика. — Вип. 7. — 2009. — С. 346—357.

Черновол І.В. Спадщина Федора Вовка в Інституті археології НАН України / І.В. Черновол // Археологія. — 2011. — N 1. — С. 110—117.

І.В. Черновол

**ІСТОРІЯ ОДНОГО ВІДРЯДЖЕННЯ:
ДО ПИТАННЯ ПРО ПЕРЕВЕЗЕННЯ
НАУКОВОЇ СПАДЩИНИ Ф.ВОВКА
В УКРАЇНУ**

У статті приділяється увага обставинам перевозу в Київ наукової спадщини видатного вченого Федора Вовка (Волкова), яку він заповів Українській академії наук. В її складі були цінна бібліотека, архівні документи, наукові та підготовчі папери вченого, колекції, картотеки антропологічних вимірів та інше. Підготовкою, сортуванням, упаковкою та транспортуванням наукової спадщини вченого займався його учень Олександр Аleshо. На основі звіту про видатки на відрядження О. Аleshо до Петербургу, стало можливим прослідкувати деталі цієї поїздки. Своім вчинком О. Аleshо зробив вагомий внесок у

подальший розвиток української науки. Саме його старанням в Україні стало можливим відкриття інституції, яка б вивчала антропологію, етнологію і давню історію в Українській академії наук — Музею антропології та етнології ім. Ф. Вовка. Завдяки його напруженим зусиллям українська наука збагатилася таким цінним скарбом, який і дотепер представляє собою спадщина Ф. Вовка.

I. Chernovol

**A HISTORY OF ONE JOURNEY:
TO THE ISSUE OF SHIPMENT
OF THE F.VOVK'S SCIENTIFIC
HERITAGE TO UKRAINE**

This paper deals with the details of shipment of the F. Vovk's scientific heritage, bequeathed to the Ukrainian Academy of Sciences, to Kyiv. Vovk's scientific heritage includes a great library, archive documents, scientific papers and drafts, collections, anthropological databases etc. Aleksandr Alesho was dealing with the preparation, sorting, packing and transportation of the great scholar's heritage. Alesho's report about his traveling expenses in Sankt-Petersburg makes possible to analyze the details of this journey. Alesho's deed was a great addition to the future development of the Ukrainian science. This deed made possible a foundation of the institution dealing with anthropology, ethnology and prehistory at the Ukrainian Academy of Sciences, i.e. the Museum of Anthropology and Ethnology named by F. Vovk. Because of his efforts, Ukrainian science became rich with a great treasure represented with F. Vovk's scientific heritage.

И. А. Шестаков

С. А. ЛОКТЮШЕВ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМЕННОГО ВЕКА
СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ
(конец 10-х — начало 40-х годов XX столетия)

Статья содержит историографический обзор изучения памятников каменного века Среднего Подонцовья первым профессиональным археологом Луганщины, исследователем «доистории юго-восточной части Донбасса»¹ С.А. Локтюшевым.

Ключевые слова: история археологии, археологические исследования, каменный век, палеолит, Среднее Подонцовье, Луганщина.

Сергей Александрович Локтюшев — один из организаторов групп единомышленников, явившихся интеллектуальной и нравственной основой тех местных научных объединений (товариществ, кружков, секций), которые, по сути, были первыми региональными центрами исследования памятников первобытной культуры Восточной Украины [Ключнева, 2009, с. 15—17; Колесник, 2003, с. 7; Локтюшев, 1930, с. 6; Шестаков, 2010, с. 5].

Личность разносторонняя: педагог, художник, краевед, музейный работник, археолог, закончивший в 1916 году Императорский Московский Археологический институт с присвоением звания ученого археолога и зачислением в действительные члены института. Третью часть века были отданы С.А. Локтюшевым изучению материальных остатков жизнедеятельности древних народов Центральной России, Кубани, Подонья, Подонцовья в широком временном диапазоне. Большая часть исследованных за этот период, памятников принадлежит эпохам меди-бронзы и железа. Но всегда, с первых шагов на археологическом поприще и до последнего полевого сезона, профессиональная деятельность ученого была связана с выявле-

нием памятников каменного века, раскопками части из них, осмыслением полученных материалов. Символично, что первая, обобщающего характера печатная работа ученого выполнена на основе успешно защищенной им в 1916 году диссертации «Культура каменного века в пределах Рязанской губернии» [Ключнева, 2009, с. 11—13, Локтюшев, 2009, с. 25—42²].

С 1917 года на четверть столетия (до конца жизненного пути) судьба связала С.А. Локтюшева с археологическими исследованиями центра и севера Луганщины — степными просторами Среднего Подонцовья. Несколько лет ученым работает, рассчитывая на собственные силы, а позднее, с 1923—1924 гг., он и сплоченные им местные краеведы (А.С. Альбрехт, В.М. Гончаров, К.И. Матвеев, З.А. Алексеев, М.Г. Штамм) исследуют разновременные пункты на территории края, уделяя особое внимание выявлению и изучению памятников каменного века региона [Ключнева, 2009, с. 13; Локтюшев, 2009, с. 43; 52—53; 147].

Начало научных изысканий С.А. Локтюшева в глубинах праистории Луганщины связано с местонахождением позднего (верхнего) палеолита. Первое сообщение, из известных нам, о находках позднепалеолитической эпохи было сделано Локтюшевым в статье «Доисторические культуры Юговосточного района Донецкого бассейна» (1923 г.) и включено им в обобщающий

1. Локтюшев, 1930б, с.6.

2. Здесь и далее ссылки на работы С.А. Локтюшева будут даны, в основном, по представленным в сборнике «Краєзнавчі записки. Випуск V. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). — Луганськ, 2009», поскольку опубликованные при жизни ученого являются сегодня библиографической редкостью, или существуют в одном экземпляре.

труд о древностях региона «Доисторический очерк средней Донеччины» (1930 г.). Работы содержат информацию о находках окаменевших костей животных и орнаментированного наконечника дротика (копья) из бивня мамонта у села Веселая Гора (Веселогорск, Веселогорье у С.А. Локтюшева), обнаруженных «еще до 1918 г. <...> хуторянкой Поповой <...> на косе правого — долинного берега р. Донца после половодий», с которыми ученый ознакомился в 1919 г., а с геологическим контекстом залегания летом 1920 г. География места обнаружения позволила исследователю, по его мнению, именовать местонахождение Донецкой палеолитической стоянкой, считать свидетельством существования донецкой палеолитической (позднепалеолитической) культуры. В соответствии с культурно-хронологическими построениями европейской археологии того времени, С.А. Локтюшев определяет находки как «связанные с Мадленской культурой» [Локтюшев, 2009, с. 43—47; 149—150; 306]. Того же мнения придерживался и учитель С.А. Локтюшева В.А. Городцов, подчеркнувший, что наконечник, идентичный французскому «*pointe de sagaie*», первый среди обнаруженных изделий данного типа «на русской территории». Вероятное время бытования местонахождения синхронно, по Городцову, времени Мезинской стоянки [Городцов, 1924, с. 3].

По определениям известных исследователей палеолита Украины прошлого столетия изделие можно датировать в широком временном диапазоне от раннего периода верхнего палеолита до нижней границы финального. В археологических публикациях о яркой веселогорской находке, введенной в научный оборот С.А. Локтюшевым, периодически упоминали как специалисты в области эпохи камня, так и местные археологи, краеведы [Шестаков, 2010, с. 10]. Ведущие исследователи палеолита Донбасса, подчеркивая значимость события почти вековой давности, считают его открытием древнекаменного века в регионе [Кротова, 1989, с. 8], первотолчком выявления новых памятников [Колесник, 2003, с. 7].

Полевые работы С.А. Локтюшева 1925—1926 гг. особенно примечательны уникальными находками единичных изделий начала среднего палеолита Донбасса, по мнению А.В. Колесника [Колесник, 2003, с. 38—40]. Текстовая информация и рисунки, содержащиеся в работе С.А. Локтюшева «Доисторический очерк средней Донеччины» позволили А.В. Колеснику атрибутировать два бифаса, относящиеся к Луганско-Кладбищенскому и Александровскому 2-му пунктам (ныне центральная и западная части г. Луганска, вторая терраса правого склона долины р. Лугань) [Локтюшев, 2009, с. 154—156], как ранние среднепалеолитические, которые в ряду крупных рубил Русской равнины, «...с некоторой осторожностью могут сопостав-

ляться со стандартными ашельскими типами», однако, подчеркивает исследователь, «не являются тождественными классическим ашельским образцам Западной Европы» [Колесник, 2003, с. 40, 50, 52].

Представляют интерес и, вероятно, мустьерские скребла [Колесник, 2003, с. 7], встреченные среди кремневых находок в окрестностях с. Петропавловки (ныне пгт. Петровка Станично-Луганского района) [Локтюшев, 1926, с. 3—4]. К сожалению, упомянутые находки, как и все материалы полевых исследований С.А. Локтюшева, утеряны в годы второй мировой войны. Судить о них сегодня можно только, опираясь на редкие свидетельства современников, сохранившиеся в архивах источники, ставшие библиографической редкостью публикации.

В 1925 году у хутора Красный Яр (ныне территория г. Луганска) соратник С.А. Локтюшева А.С. Альбрехт на песчано-гравийной отмели правого берега Северского Донца собрал несколько десятков кремней в основном естественного происхождения, среди которых, позднее С.Н. Замятнин выделил три скола, демонстрировавших следы примитивной обработки. А по результатам исследований 1934 г он сделал вывод о среднепалеолитическом возрасте местонахождения [Замятнин, 1953, с. 231, 238]. «Фактически это была вторая после Деркула¹ мустьерская находка на Донеччине, но ей повезло значительно меньше, и длительное время коллекция из Красного Яра оставалась в тени» [Колесник, 2003, с. 7].

Исследовал местонахождение и С.А. Локтюшев в 1936—1937 гг. Материалы сборов нашли отражение в подготовленной им в 1938 г. статье о следах палеолита в бассейне Донца. С незначительными коррективами статья была опубликована в 1940 г. [Локтюшев, 2009, с. 249—252]. «Коллекция из Красного Яра небольшая, но очень выразительная. Исследователи отмечают развитость, если не преобладание, т.н. протопризматической техники первичного расщепления, а среди орудий — присутствие многочисленных изделий с двусторонней обработкой. Помимо этих орудий, С.А. Локтюшев опубликовал обычные мустьерские скребла и остроконечники» [Колесник, 2003, с. 245, 247]. В настоящее время, наряду с работой С.Н. Замятнина 1953 г., статья С.А. Локтюшева является не просто публикацией сведений о памятнике, а, на трехступенчатой шкале исторического познания, приобретает статус одного из двух печатных источников по Красноярскому пункту.

В упомянутом выше обобщающем труде ученого «Доисторический очерк...» С.А. Локтюшев дает и свою культурно-хронологическую оцен-

1. Первый памятник раннего палеолита в ряду выявленных на территории Русской равнины. Открыт П.П. Ефименко в 1924 г.

ку Деркульского местонахождения, интересную сегодня в контексте истории археологии каменного века, знания смыслового наполнения периодизационных терминов, отличном от современного. Он относит ее «к Рисскому периоду <...> с мустьерским обликом бытовых находок», в рамках мезолитической эпохи, которая предшествует палеолитической «согласно археолог. классификации проф. Городцова» [Локтюшев, 2009, с. 149].

Вторая половина 20-х годов прошлого столетия — время масштабных археологических работ на территории Луганщины, среди которых одним из приоритетных направлений был целенаправленный поиск следов жизнедеятельности человека первобытного общества [НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, спр. 179, арк. 12; Локтюшев, 2009, с. 148]. Результатом этих обследований явилось обнаружение ряда пунктов позднего палеолита на правом склоне долины р. Евсуг, в 6-ти км на северо-запад от места впадения Евсуга в Северский Донец, у хутора Рогалик (ныне ул. Подгорная пгт Петровка) [Локтюшев, 2009, с. 119—139; 153, 156].

Самый известный из них — стоянка Рогалик-Якимовская (правый борт балки Якимовская) открытая в 1926 г. Раскопками была вскрыта площадь 102 м², давшая обильный археологический материал, представленный коллекцией кремневого инвентаря, с показательной серией трапеций (13 экз.), кварцитовыми обломками, двумя сланцевыми ретушерами, изделиями из кости и рога, большим количеством костей животных и несколькими фрагментами раковин моллюсков, остатками кострищ, отдельными древесными угольками и кусочками красной охры. Абсолютное большинство находок зафиксированы в слое песчаного слабо гумусированного суглинка, на глубине от 1,15 до 1,86 м [Локтюшев, 2009, с. 119—121; 156—163; Горелик, 2001, с. 29—33].

Особый интерес среди выявленных артефактов занимают произведения палеолитического искусства: пястная кость лошади с четырьмя параллельными нарезками, просверленные позвонки рыбы и девять ракушек, одна из которых, вероятно, со следами окраски [Локтюшев, 2009, с. 125—126; 162—163; 263—264]. О данных находках упоминали в своих работах ведущие палеолитоведы, относя к числу достоверно установленных фактов существования палеолитического искусства в бассейне Северского Донца [Підоплічко, 1941, с. 32; Абрамова, 1962, с. 41; Горелик, 1997, с. 169; 2001, с. 32—33, 263].

Раскопки небольшими площадями на Рогалик-Якимовской стоянке С.А. Локтюшев проводит в 1927, 1928 и 1933 гг. [Локтюшев, 2009, с. 262], 1936, (1937?) годы — разведки [Локтюшев, 1936, л. 27; 2009, с. 249]. Интерпретация полученных в 20-е годы данных изложена им в неизданной при жизни работе «Рогалико-Яки-

мовская неолитическая стоянка на Донеччине» (1929 г.) (опубликована в 2009 г.) [Локтюшев, 2009, с. 119—139] и большой статье «Доисторический очерк средней Донеччины».

Функциональный тип рогаликского местонахождения исследователь определяет как полноценный хозяйственно-бытовой объект (комплекс, сумму комплексов), подразделяя имеющийся археологический материал на рабочий инвентарь плюс отходы производства — «остатки мастерской каменных орудий», с одной стороны. С другой, это «остатки бытования» древнего человека, то есть материальные следы жизнеобеспечения, и видит в памятнике «типичную стоянку-мастерскую» [Локтюшев, 2009, с. 120—126; 157—163]. Суммируя результаты всех исследований, С.А. Локтюшев пишет о Рогалик-Якимовской как о стационарном поселении, «що підтверджується як чималою кількістю вживаних для їжі кісток тварин (особливо коня), так і наявністю решток жител у вигляді золотисто-вуглистих плям від кострів, решток прикрас і слідів риболовства» [Локтюшев, 2009, с. 264—266].

Опираясь на прослеженную в раскопе стратиграфию, результаты проделанного им типолого-статистического анализа, С.А. Локтюшев переходит на уровень периодизации и культурной дифференциации, в поисках места Рогалик-Якимовской стоянки среди признанных на то время палеокультурных общностей, в ряду выявленных, к концу 1920-х гг., памятников региона. Во-первых, к палеолитической эпохе, то есть позднему палеолиту, он относит только местонахождение у села Веселая Гора. Во-вторых, пытается найти аналогии рогаликским находкам в материалах известных ему европейских культур: неолитической «Кьеккенмеддинго-Кампиньенской» и протонеолитической (мезолитической) Маглемозской, «синхронной» с ней тарденуазской. Однако отмечает существенные отличия как индустриального, так и бытового комплексов Рогалик-Якимовской стоянки от материалов упомянутых культур, особенно первой. Кроме того, по его мнению, в составе кремневого инвентаря изделия двух категорий подобны таковым в палеолитической Мадленской культуре, и «в мадленского типа <...> украинской мезинской» [Локтюшев, 2009, с. 126—129; 166—169]. Исследователь явно испытывает затруднение, пытаясь найти место Рогалик-Якимовской индустрии на культурно-хронологической колонке каменного века. Из сложного положения он выходит, сделав вывод, что «...культура Рогалико-Якимовской стоянки принадлежит, видимо, самой начальной стадии ранней поры неолитической эпохи, так сказать, первым моментам...» [Локтюшев, 2009, с. 129—130; 169].

Точка зрения С.А. Локтюшева о неолитическом (раннеолитическом) возрасте местонахождения, в чем не был уверен сам автор,

продержалась несколько лет, до ознакомления с материалом стоянки палеолитоведов. Первое сообщение о коррекции датировки мы находим в отчете о полевом сезоне на Луганщине за 1933 г. Принадлежность памятника к позднему палеолиту, после просмотра находок в том же 1933 г., установили И.Ф. Левицкий и С.Н. Замятнин [Локтюшев, 2009, с. 410].

Исследования С.А. Локтюшева в долине Евсуга, в первую очередь, комплекс Рогалико-Якимовской стоянки, привлекли внимание ведущих специалистов в области археологии эпохи камня, палеогеографии и палеонтологии 30-х — 60-х гг. XX ст. С учетом вполне объяснимых, индивидуальных оговорок, памятники относят ко времени перехода от палеолита к мезолиту, увязывая с материалами некоторых стоянок Среднего Дона, Поднепровья, демонстрирующих признаки культурного схождения с Рогаликом [Горелик, 2001, с. 7—8; Шестаков, 2010, с. 11—12, 16]. Для С.А. Локтюшева очевидна культурная связь стоянки с комплексом Борщево II (верхний горизонт), однако наличие изделий геометрических форм и наконечников стрел с коротким черешком на пластинках, по его мнению, «наближае її <...> до <...> Смячкинської»¹. Хронологический промежуток — «время позднего мадлена, переходного к азилю» [Локтюшев, 2009, с. 249, 266]. В настоящее время, по результатам исследований 80-х—90-х гг. XX века, Рогалик-Якимовская (Рогалик I по Горелику) входит в состав памятников Рогаликско-Передельской группы финального палеолита Украины [Горелик, 2001, с. 15, 29; Шестаков, 2010, с. 17].

Как отмечено выше, в районе хутора Рогалик во второй половине 1920-х годов, а позднее и в 30-е гг., С.А. Локтюшев, помимо Рогалик-Якимовской, обнаружил еще несколько местонахождений каменного века, датированные верхним палеолитом. В археологических изданиях разных лет можно встретить следующие названия этих пунктов: Африканова мельница, Береговая, Бережная, Гришинская, Криничная балка, Шейшинова балка [Локтюшев, 2009, с. 153; Ефименко, Береговая, 1941, с. 268; Береговая, 1960, с. 147—148; Горелик, 2001, с. 7]. Шесть наименований шести памятников. Так ли это? Автор уже пытался разобраться в ситуации о количестве рогаликских пунктов открытых С.А. Локтюшевым в статье, посвященной истории археологических исследований палеолита Луганщины [Шестаков, 2010, с. 13—14]. Напомним ранее изложенное в оптимально сокращенном варианте и приведем новые, разрешающие значительную часть проблемы, данные.

Во-первых, в сборнике известных (на момент издания) работ С.А. Локтюшева 2009 года мы

находим названия только двух местонахождений, из числа вышеприведенных, — Бережная и Гришинская, открытые им «в 1929 г. по близости от Рогалико-Якимовской». Стоянки выявлены в ходе разведок, собранные на поверхности кремневые изделия (Бережная — около 240 единиц, Гришинская — 37), по мнению исследователя, идентичны материалу Рогалик-Якимовской, и сами пункты «видимо, синхроничны последней» [Локтюшев, 2009, с. 163—164].

Во-вторых, наше предположение о том, что название стоянки «Береговая», появившееся в работе П.П. Ефименко и Н.А. Береговой «Палеолитические местонахождения в СССР», изданной в 1941 году, трансформированное «Бережная» у С.А. Локтюшева [Шестаков, 2010, с. 13] остается, на сегодня, не изменившимся.

В-третьих, в 2010 г. получена новая, проясняющая ситуацию, достоверная информация,² о скорее легендарных до сего времени местонахождениях-спутниках Рогалик-Якимовской, названия которых «Африканова мельница», «Криничная балка», «Шейшинова балка», как и «Береговая», увидели свет в выше названном авторитетном издании П.П. Ефименко и Н.А. Береговой. В Рукописном отделе ИИМК (Санкт-Петербург) хранится отчет С.А. Локтюшева об археологических разведках по поиску палеолитических стоянок в бассейне Донца за 1936 г. в Советскую Секцию Международной Ассоциации по изучению Четвертичного периода, поскольку она финансировала означенные исследования. Приведем цитату из отчета: «В полевой сезон 1936 г., археологическими разведками, в окрестностях х. Рогалика удалось открыть целых пять новых стоянок, а именно одну стоянку <...> близ Криничной балки, «Криничную стоянку»; затем две стоянки <...> против мельницы Африкана в с. Петровке — «Африканову стоянку» — 1^ю и 2^ю; далее две стоянки <...> близ Шейшиновой балки — «Шейшинову стоянку» 1^ю и 2^ю.³ Всего то нами было открыто пять новых верхнепалеолитических стоянок» [Локтюшев, 1936, л. 27, 28]. Полученный в ходе полевых исследований новых пунктов кремневый инвентарь идентичен, по мнению С.А. Локтюшева, материалу Рогалик-Якимовской, да и по приведенным в отчете данным о составе комплексов. При раскопках Криничной стоянки обнаружен овальный в плане очаг (1,15 × 0,97 м), к которому тяготеет большинство находок [Локтюшев, 1936, л. 34—54].

В настоящее время, отвечая на вопрос об общем количестве памятников финального

1. Вероятно, С.А. Локтюшев имеет ввиду стоянку Смячка XIII в среднем течении Десны.

2. Автор статьи благодарит зам. директора по научной работе Луганского областного краеведческого музея И.Н. Ключеву, исследователя жизни и научной деятельности С.А. Локтюшева, за предоставленные материалы.

3. Выделение полужирным шрифтом автора статьи.

палеолита, открытых в районе хутора Рогалик во второй половине 20-х — 30-х гг. XX века, мы располагаем, подтвержденными источниками, научными публикациями, данными о восьми пунктах. Это Рогалик-Якимовская стоянка, Бережная, Гришинская, плюс пять местонахождений, выявленных С.А. Локтюшевым в 1936 г.

Но, по-прежнему, таит загадку информация о полевых исследованиях 1928 г. Напомним, ученый сообщает, что «в описываемый сезон <...> в окрестностях хутора Рогалика» им открыта стоянка каменного века. Культурный слой зафиксирован «большой частью на глубине 170 сант. от верхней поверхности почвы» и состоит из большого количества кремневых изделий, а также фрагментов костей, «со следами их искусственной порубки», двух видов ископаемой лошади, идентичных найденным при раскопках Рогалик-Якимовской стоянки [Локтюшев, 2009, с. 95; 162—163]. Приводимые сведения говорят о том, что данный пункт не Бережная, и не Гришинская стоянки, открытые в 1929 г., материал которых собран на поверхности и представлен только изделиями из кремня. Не об этом ли местонахождении упоминает С.А. Локтюшев и в одной из работ, опубликованной в 1930 г.? В перечне выявленных им в бассейне Северского Донца стоянок каменного века встречаем, «як-от Рогалико-Якімівська, друга Рогаликська...», и ниже «населенням <...> від якого залишалися стації Рогалико-Якімівська, друга Рогаликська» [Локтюшев, 2009, с. 233]. То, что местонахождение вторая Рогаликская не Рогалик-Якимовская стоянка очевидно. Почему С.А. Локтюшев не сообщает о нем ни в своей работе «Доисторический очерк средней Донеччины», выпущенной в свет в том же 1930 г., ни в последующих публикациях? Ответа на этот вопрос все еще нет.

Несомненный интерес вызывают исследования С.А. Локтюшева в долине балки Долгая (северная граница г. Луганска) в период, охватывающий вторую половину 20-х — первую половину 30-х гг. XX ст. и на территории г. Лутугино в 1941 г. [Шестаков, 2010, с. 14—15]. Однако, информация первоисточников, которыми мы располагаем, о данных исследованиях крайне скудна. Опираясь на нее, сегодня можно говорить о двух зафиксированных пунктах каменного века Лугано-Долгая и Лутугино, а последний, вероятно, местонахождение плейстоценовой фауны [Локтюшев, 2009, с. 164; 300].

Объем статьи требует ограничиться кратким обзором деятельности С.А. Локтюшева в области изучения палеолита Луганщины. Многие не ясно, по ряду проблем можно сформулировать конкретные вопросы и искать на них ответы. Пожалуй, не меньшие трудности встретят исследователей наследия ученого, связанного с изучением мезолита — неолита Среднего Подонья, но это задача будущего, надеемся ближайшего. Очень нужны новые источники,

а значит, необходим их поиск, прежде всего, в Киеве и Санкт-Петербурге.

В настоящее время можно констатировать следующее. Деятельность С.А. Локтюшева — это труд первопроходца периода первоначального накопления материала в процессе уже плановых, масштабных разведок и раскопок на территории Восточной Украины, время начального осмысления полученной информации «о доистории средней Донеччины» [Локтюшев, 2009, с. 188]. На сегодня нам известны десять публикаций ученого, благодаря которым полученный материал не был утрачен, введен в научный оборот. Именно С.А. Локтюшев прозорливо выделил комплекс Рогалик-Якимовской стоянки, как «представляющий большой научный интерес», что нашло подтверждение в ходе исследований конца XX ст. [Локтюшев, 2009, с. 169, 189; Горелик, 2001]. Среди заслуг исследователя следует отметить увязку местоположения памятников с мезо- и микроформами окружающего рельефа, постановку вопроса о зависимости древних обществ от природного окружения, первую попытку культурной дифференциации и периодизации памятников каменного века региона [Локтюшев, 2009, с. 150, 153, 188—189, 231—235, 251, 266].

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. Археология СССР. САИ / З.А. Абрамова. — М.—Л., 1962. — С. 41, 72; табл. XXXIX, 11—19.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР / Н.А. Береговая // МИА. — № 81. — 1960. — С. 24—25, 147—148.

Горелик А.Ф. Находки предметов изобразительной деятельности палеолитического человека у хутора Рогалик (Украина) / А.Ф. Горелик // РА. — 1997. — № 2. — С. 169—180.

Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины / А.Ф. Горелик. — Киев-Луганск, 2001. — 364 с.

Городцов В.А. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 год / В.А. Городцов // Древний мир. — М., 1924. — Вып. 1. — С. 1—20.

Ефименко П.П. Палеолитические местонахождения СССР / П.П. Ефименко, Н.А. Береговая. — МИА. — М.—Л., 1941. — № 2. — С. 254—292.

Замятин С.Н. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья / С.Н. Замятин // Сборник музея антропологии и этнографии. — М.—Л., 1953. — Т. XIV. — С. 231—255.

Ключева И.М. Луганский археолог Сергий Олександрович Локтюшев / И.М. Ключева // Краєзнавчі записки. Вип. V.: Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). — Луганськ, 2009. — С. 11—24.

Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса / А.В. Колесник // Археологический альманах. — Донецк, 2003. — № 12. — 293 с.

Краєзнавчі записки. Вип. V.: Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження) / Авт.-упоряд. И.М. Ключева. — Луганськ, 2009. — 479 с.

Кротова А.А. Поздний палеолит Донбасса и Приазовья / А.А. Кротова // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. — Донецк, 1989. — С. 8—11.

Локтюшев С.А. Доисторические культуры Юго-восточного района Донецкого бассейна. Археологический очерк / С.А. Локтюшев // Просвещение Донбасса. — Бахмут, 1923. — № 8. — С. 61—65. — См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 42—49.

Локтюшев С.А. Дополнительные сведения об археологических раскопках 1918—1919 гг. Луганск, 1925г. / С.А. Локтюшев // НА ИА НАНУ, ф. ВУАК, спр. 17, арк. 77—86. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 306—313.

Локтюшев С.А. Отчет про археологическую работу в 1926 г. / С.А. Локтюшев // НА ИА НАН, ф. ВУАК, д. 109/12.

Локтюшев С.А. Прежнее население бассейна р. Донца и его смена здесь по находкам материальной культуры / С.А. Локтюшев // Радянська школа. — Луганське, 1927. — № 1/15. — С. 92—97. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 55—63.

Локтюшев С.А. Полевые научно-исследовательские работы Луганского Музея / С.А. Локтюшев // Радянська школа. — Луганське, 1928. — 11/37 листопад. — С. 92—97. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 89—96.

Локтюшев С.А. Роголико-Якимовская неолитическая стоянка на Донеччине. 3/XII — 29. — Машинописный текст // НА ИА НАН, ф. ВУАК, спр. 536. — 1929. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 119—139.

Локтюшев С.О. Залежність між клімато-геологічними й етнічними явищами на території Донбасу від постплейстоцена до історичних часів. Краєзнавчий нарис / С.А. Локтюшев // Радянська школа. — Луганськ, 1930а. — № 9—10. — С. 97—101. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 231—237.

Локтюшев С.А. Доисторический очерк средней Донеччины (попытка построения краевой доистории) / С.А. Локтюшев. — Луганск, 1930б. — 73 с. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 146—230.

Локтюшев С.А. Отчет. Научно-исследовательские работы 1933 г. на Луганщине / С.А. Локтюшев. — 1934 // НА ИА НАН, ф. ВУАК, спр. 537/а, арк. 1. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 402—410.

Локтюшев С.А. Отчет об археологических разведках в басс. р. Донца в полевой сезон 1936 г. проф. С.А. Локтюшева. В Советскую Секцию Международной Ассоциации по изучению Четвертичного периода. 22.XII.1936 г. г. Ворошиловград / С.А. Локтюшев // Рукописный отдел ИИМК (Санкт-Петербург), ф. 2, оп. 1, 1936 — д. 423, л. 1—57.

Локтюшев С.А. Следы палеолита в бассейне р. Донца / С.А. Локтюшев // БКИЧП. — 1940а. — № 6/7. — С. 65—68. — Краєзнавчі..., 2009. — С. 249—252.

Локтюшев С.О. Палеолітична стоянка Якимівська балка на р. Євсуг Ворошиловградської області / С.О. Локтюшев // Палеоліт і неоліт України. — Т. 1. —

К., 1941б. — С. 283—287. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 262—266.

Локтюшев С.А. Научно-ценные ранне-исторические памятники, выявленные археологическими раскопками в Ворошиловградской области. — Статья написана 8/VI—1941 г. для сборника "Видатні міста України" / С.А. Локтюшев // Архив ЛОКМ. — 1941 в. См. также: Краєзнавчі..., 2009. — С. 299—301.

НА ІА НАНУ ф. ВУАК, спр. 179, арк. 12. Витяз з журналу звітів Археологічного відділу ВУАК від 25. III. 29 р.

Підоплічко І.Г. Дослідження палеоліту в УРСР / І.Г. Підоплічко // Палеоліт і неоліт України. — Т. 1. — К., 1941. — С. 7—36.

Шестаков И.А. История и библиография археологических исследований палеолита Луганщины / И.А. Шестаков // Матеріали та дослідження з археології Східної України. — Вип. 10. — Луганськ, 2010. — С. 4—31.

I. A. Шестаков

**С.О. ЛОКТЮШЕВ —
ДОСЛІДНИК КАМ'ЯНОГО ВІКУ
СЕРЕДНЬОГО ПОДОНЦІВ'Я
(кінець 10-х — початок 40-х років
XX століття)**

У статті запропоновано історіографічний аналіз досліджень пам'яток кам'яного віку Середнього Подонцов'я на його початковому етапі завдяки зусиллям першого професійного археолога Луганщини С.О. Локтюшева. Використано невідомі раніше архівні матеріали. Відображено стан проведених польових досліджень, інтерпретації одержаних матеріалів, дана характеристика перших узагальнень, культурно-хронологічних побудов.

I. S h e s t a k o v

**S. A. LOKTYUSHEV — RESEARCHER
OF STONE AGE ANTIQUITIES
IN BASIN OF MIDDLE PART
OF SEVERSKY DONETS RIVER
(late 10th — early 40th of XX cent.)**

The paper deals with historiographical analysis of early Stone Age sites researches on the middle part of Seversky Donets territory River. Sites were discovered by the first professional Lugansk archaeologist — S.A. Loktyushev. Some new archive materials are used. Aspects of first field studies conditions, interpretations of discovered complexes, first attempts of abstraction and schematization of prehistorical processes are covered.

А. С. Яненко

МУЗЕЙНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ 1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

В статье предложена периодизация музейной археологии советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. Рассмотрены изменения акцентов в научно-исследовательской работе музеев, трансформация в методологических подходах археологов-музейщиков, изменения в административно-территориальном подчинении музейных учреждений, смена источников финансирования музейных институций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музейная археология, периодизация, советская Украина, музейная парадигма.

Музейная археология — характерный вид научно-исследовательской деятельности музеев, который предусматривает проведение полевых археологических исследований при активном участии музейных сотрудников, лабораторно-камеральную обработку полученных материалов, введение их в научный оборот, использование в экспозиционной деятельности музейного учреждения [Пудовкіна, 2010]. Музейная археология советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. является существенной составляющей общей массы отечественных археологических исследований указанного периода.

Первые попытки выделить музейную археологию в контексте истории археологического знания были предприняты в послевоенные годы. И.Г. Шовколяс, акцентируя внимание на археологических достижениях внеакадемических учреждений УССР, обращает внимание на деятельность ряда государственных, областных и районных музеев [Шовкопляс, 1969]. В.Ф. Генинг указывает, что «основными центрами, вокруг которых сосредоточивались краеведческие работы на местах, в том числе охрана и обследование

археологических памятников, в 20—30-х гг. становятся краеведческие музеи» [Генинг, 1982, с. 47]. П.П. Куринной приводит перечень музейных институций, которые принимали участие в полевых археологических исследованиях, особое внимание обращая на деятельность директора Днепропетровского музея Д.И. Яворницкого и Днепропетровской археологической экспедиции НКЮ УССР, участие в которой принимали музейные сотрудники [Куринний, 1970]. После длительного перерыва интерес к музейной археологии 1920-х гг. возобновился в научных исследованиях современных ученых. Различным аспектам археологической деятельности музейных учреждений посвящены работы Е.Е. Черненко [Черненко, 2007], С.П. Шевчук [Шевчук, 1999], М.В. Потупчика, М. Е. Потупчик [Потупчик, 2010] и др. Однако существующие работы, богатые изложением фактов истории отдельных музейных учреждений или/и археологических студий отдельных музейщиков, вместе с тем, не рассматривают музейную археологию советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. как целостное явление, в развитии которого можно выделить определенные этапы.

Целью данного исследования является выделение основных этапов развития музейной археологии УССР 1920-х — первой половины 1930-х гг.

Главным критерием периодизации развития музейной археологии советской Украины целесообразно считать количественное и качественное состояние археологических исследований, проводимых при участии музейных сотрудников.

Первый период — 1919—1923 гг. — это этап реорганизации, становления и организации музейных центров региональной археологии. Период характеризуется единичными полевыми работами, которые проводились,

главным образом, музеями дореволюционной эпохи. Подавляющее большинство музеев Украины в это время занималось «собираТЕЛЬСТВОМ» культурных ценностей, в частности помещичьих коллекций, полученных в наследство от царской России. Главным лозунгом периода правомерно считать: «спасти и сохранить». Согласно этому музей понимался как место сосредоточения всех возможных культурных ценностей, что полностью соответствовало ситуации политической нестабильности и частой смены власти.

Федор Иванович Шмит — выдающийся историк, теоретик искусства и музейный деятель 1920-х гг. в книге «Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела», опубликованной в 1919 г., отмечал: «...в музеях скапливаются вещественные остатки прошлого — подлинные документы для истории искусств и быта <...> Кому такие документы нужны? Бесспорно: ученым специалистам. Это общепризнано. Поэтому при больших музеях обыкновенно существуют ученые хранители, задача которых заключается в систематизации музейных собраний и в разработке научно-ценного материала. Некоторые музеи — те, в которых такого материала очень много, — стали особыми учеными учреждениями <...> Мы сейчас переживаем момент стихийного наплыва вещей в уже существующие музеи и стихийного же образования новых музеев» [Шмит, 1919, с. 34].

Содержание этого этапа ярко охарактеризовано в отчетах директоров Херсонского и Днепропетровского историко-археологических музеев. В.И. Гошкевич отмечал: «... в первый период революции (до 1920 года) музей хоть и не обладал денежными средствами, но много пополнял за счет сдаваемых ему на хранение частными лицами и передаваемыми советскими организациями предметами <...>. В 1920—1922 гг. исключительно тяжелые условия, в коих находился Херсон — неслыханный голод и прифронтовое положение, в связи с болезнью Гошкевич остался без помощников и сотрудников, ибо все либо разбежались, либо спасали себя от голода и холода, свели деятельность Музея исключительно к охранной функции. Какие бы то ни было операции стали немислмы кроме демонстрации...» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1211, л. 32—36 об.]. Д.И. Яворницкий в отчете указывал: «...в период 1917—1922 гг. научная работа не велась, директор и сторож пытались спасти то, что было. В сентябре месяца 1922 г. музей был оборван, взяли самые ценные вещи. Только с начала 1923 г. музей определенно находится в ведении Екатеринославского губполитпросвета, откуда получая на существование средства и соответствующее руководство...» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 3418, л. 25].

Характеризуя состояние музейной сети в начале 1920-х гг. народный комиссар просвещения В.П. Затонский констатировал: «За период

революції з великим трудом з усіх куточків України у губернські та повітові музеї були стягнуті матеріали, що характеризують історію, побут, мистецтво, промисловість, природничі багатства України, вони становлять колосальну культурну цінність. За останній час музеї прийшли в занепад, будівлі почали руйнуватися, почали відбуватися крадіжки музейного майна... У даний час становище музеїв України доводиться визнати важким (крайне). Підтримки зі сторони місцевих керівних органів, що мали б бути найбільш зацікавленими у їх нормальному існуванні, музеї не зустрічають: будівлі не ремонтуються, штати недостатні, майже не оплачуються, охорони немає...» [ЦГАВО України, ф. 166, оп. 3, д. 55].

В отчетных данных о деятельности Научного комитета НКО УССР за 1922/1923 бюджетный год сообщается, что научные музеи Украины в это время могли только сохранять свое имущество и все силы сокращенного второго персонала шли на борьбу с бедами «переходного» времени — воровством, бандитизмом, разрушением зданий музеев и т.п. В частности, сообщается, что заведующий Одесским историко-археологическим музеем вел систематическую борьбу с «бандитами», в Киевском музее искусств шла интенсивная работа под угрозой обвала потолка и потоками воды, которая лилась сквозь стеклянную крышу, Каменец-Подольский музей стоял без единого стекла, окна были заколочены досками, и работа сводилась к перемещению коллекций из мест, которые находились под угрозой осыпания штукатурки, в более безопасные т.д. [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1156, л. 20].

Систематическим археологическим исследованиям Украины в течение 1919—1923 гг. препятствовало недостаточное финансовое обеспечение музейных учреждений, что в свою очередь было связано с постоянным изменением «административного музейного центра» — органов власти, в ведении которых находились вопросы охраны памятников старины и искусства.

В начале января 1919 г. был создан Отдел искусств, который должен был пропагандировать искусство среди широкой общественности и решать вопросы сохранения культурных ценностей [Маньковська, 2000, с. 40]. По инициативе заведующего комитетом изобразительного искусства НКО УССР В.Г. Вольского 27 января 1919 г. на заседании Отдела искусств было принято решение о создании специального органа, который должен был руководить работой по сохранению памятников старины — Комитета охраны памятников старины и искусства. Первое заседание Комитета состоялось 4 февраля 1919 г. Председателем комитета стал художник Н.Е. Дадькин, членами — искусствоведы Ф.И. Шмит и С.А. Таранушенко [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 48].

14 февраля 1919 г. состоялось совместное заседание Комитета охраны памятников старины и

искусства и Комитета изобразительного искусства при Всеукраинском отделе искусств, на котором было принято решение о разграничении функций в области музейного дела. Все музеи были условно разделены на художественные, которые должны были демонстрировать «новые пути художественного творчества», и художественно-исторические, отражающие «историческое развитие искусства». Художественные музеи подчинялись Комитету изобразительного искусства, художественно-исторические — Комитету охраны памятников старины и искусства [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 34].

В конце февраля 1919 г. Комитет охраны памятников старины и искусства приобрел статус Всеукраинского и согласно положению состоял из 5 секций: музейной (председатель Ф.И. Шмит), архитектурной (С.А. Таранушенко), архивно-библиотечной (В.А. Барвинский), археологической (А.С. Федоровский) и этнографической. Работа музейной секции в 1919 г. заключалась в контроле за вывозом за границу и внутренней торговлей предметами культурного значения, памятниками искусства и старины, учете частных коллекций, передаче наиболее ценных из них в общий Музейный фонд, создании новых музеев, популяризации исторических и художественных знаний среди населения [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 680, л. 13—14 об.].

Деятельность ВУКОПИС была прервана боевыми действиями, которые велись войсками Деникина и Петлюры на территории Украины. После восстановления советской власти, с начала 1920 г. в губерниях начали восстанавливаться ГубКОПИС, а в конце того же 1920 г. в Киеве был восстановлен ВУКОПИС [Жуков, 1989, с. 264—265].

13 июля 1921 г. из ВУКОПИС был выделен Главмузей — самостоятельное Главное управление по делам музеев, охраны памятников искусства, старины и природы при Комиссариате просвещения республики [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 16, л. 22].

В структуре Главмузея были созданы три отдела: музейный (с подотделами экскурсионным, музееведения, музейно-техническим, учета и распределения Музейного фонда), регистрации и охраны памятников старины и искусства (с подотделами архитектурно-монументальным, охраны памятников природы, археологическим, этнографическим), а также научный (с комиссиями археологической, этнографической, по изучению античных памятников в Украине, по изучению украинского крестьянского зодчества). Общее руководство Главным управлением по делам музеев, охраны памятников искусства, старины и природы осуществляли К.М. Дешевов и П.Г. Ковалевский.

Главмузей ставил перед собой следующие задачи в области музейного дела и охраны памятников: общее руководство 27 крупными государственными музеями, создание общегосударственного

музейного фонда, регистрация и учет памятников музейного значения, содействие улучшению технико-инвентарного обеспечения музейных учреждений Украины, субсидирование научных работ по археологии, истории и искусствоведению, проведение раскопок в Ольвии и различных археологических «экскурсий»-исследований, осуществление обмеров и исследования архитектурных памятников, приобретение частных коллекций, подготовка музейных специалистов, пропаганда музейного дела и организация съездов работников музейного дела [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 413, л. 9]. Однако выполнить поставленные задачи структура так и не смогла, что вызвало дальнейшие преобразования в подчиненности музейных учреждений советской Украины.

С 1922 г. музеи Украины были разделены и подчинены разным учреждениям — Научному комитету Главпрофобра (со временем Научный комитет был переименован в Управление научными учреждениями — Укрнауку), музейно-экскурсионно-выставочной секции Главполитпросвета, Институтам народного образования (ИНО) и др. По данным В.В. Дубровского из 18 государственных музеев, существовавших в 1925 г. — 9 находились в ведении Укрнауки, 9 — Главполитпросвета, часть музеев оставалась при институтах народного образования: археологический музей при Киевском ИНО; палеонтологический — при Одесском ИНО; антрополого-географический — при Харьковском ИНО т.д. [Дубровський, 2007].

Второй период развития музейной археологии УССР — расцвет полевой музейной археологии (1924—1930 гг.) — время, когда большинство музеев проводили разведки/реставрации и раскопки. Политический курс коренизации (украинизации) способствовал расцвету краеведческого движения, в рамках которого возрос интерес к археологическим исследованиям регионов. По мнению М.С. Грушевского, которое он высказал на Киевской сессии Укрнауки 23—28 января 1926 г., Укрнаука и правительство в целом в то время не намерены были централизовать культурную жизнь Украины так, как российское правительство сделало это в Петрограде. Напротив, власть представляла себе Украину как страну с четырьмя сильными культурными центрами — Киевом, Харьковом, Екатеринославом и Одессой и пыталась равномерно предоставлять им культурные средства [Грушевський, 1926, с. 3]. М.И. Яворский, заместитель председателя Укрнауки, в своем выступлении на указанной сессии констатировал чрезвычайно активное и относительно стихийное научное движение на «сдвинутой революцией почве» Украины, а также подчеркнул, что между этим «спонтанным» научным движением и политикой советского правительства нет никаких различий, объективные условия направляют научную работу в русло советского строительства, независимо от индивидуальной идеологии и настроений научных

работников, «нет необходимости и каких-либо специальных мероприятий по отбору полезных от бесполезных работников с точки зрения советской политики: всякая научная сила нужна и находит свое приложение в нынешних условиях советского строительства» [Грушевский, 1926, с. 6]. Социально-экономическая стабилизация в советской Украине создала условия для пересмотра основных функций музея, произошла смена музейной парадигмы. «Музей-хранилище» превратился в музей — научно-исследовательское и образовательное учреждение.

Николай Васильевич Шарлемань — выдающийся биолог и член экскурсионно-выставочно-музейной секции Главполитпросвета, отмечал: «большинство существующих на Украине музеев преследуют не только популяризаторские цели, но и научные, накапливая материал для специальных исследований... В провинции — музеи этого типа выполняют огромную работу. Они являются своего рода маленькими академиями, в которых сосредотачивается зачастую вся работа по обследованию местной природы на Украине» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 780, л. 7]. Эти слова правомерно распространить не только на природоведческие, но и на историко-археологические исследования регионов.

Михаил Григорьевич Криворотченко, организатор и председатель Украинского комитета краеведения, определял музей середины 1920-х гг. как «свободный научный институт» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 704, л. 3].

Исчерпывающую характеристику музею как учреждению дал Василий Васильевич Дубровский, историк, лингвист и заведующий музейно-библиотечной секцией Управления научными учреждениями УССР в 1920-х гг. [Ясь, 2004]: «современный музей состоит из трех взаимообусловленных элементов: 1) собраний памятников культуры или природы, научно подобранных и научно представляемых; 2) квалифицированных в той или иной научной области сотрудников и 3) их работы, как научно-исследовательской так и политпросветительской <...>. Научные знания и носители этих знаний, это база для всякой настоящей музейной работы. Музеи являются научными учреждениями и <...> «интегральность» образовательного использования музеев только один из прикладных последствий этой основной научной работы в музее <...>. Пользуясь этим термином [музей], понимаем под этим такое образовательное учреждение, которое научно собирает, систематизирует, сохраняет, изучает, публикует и экспонирует для широкой популяризации памятники материальной культуры и природы <...>. Первый характерный признак музейной работы — сбор и систематизация по научным принципам памятников культуры и природы» [Дубровский, 2007].

Конкретизируя содержание и методы работы музеев, В.В. Дубровский отмечал, что направления деятельности музея определяются задачами,

возложенными на него как на государственную советскую институцию. По словам В.В. Дубровского, музеи по своей сути: а) государственные хранилища памятников материальной культуры и природы; б) научно-исследовательские учреждения, которые должны проводить исследования этих памятников и готовить новые кадры квалифицированных музейных работников; в) образовательные учреждения, которые распространяют среди трудящихся знания путем политпросветительской деятельности. Первая функция музеев предусматривала хранение, консервацию, регистрацию и экспозицию памятников (научно-технические работы). Вторая функция состояла из индивидуальных и коллективных (экспедиционных) научно-исследовательских работ, научно-издательской деятельности, подготовки путем аспирантуры новых музейных сотрудников. Третья функция выполнялась различными политпросветительскими мероприятиями (поясняющие надписи, экскурсии, публичные лекции, кружки друзей музея, популярные издания и др.). В.В. Дубровский отмечал, что в процессе музейного строительства начала 1920-х гг. объективные обстоятельства не позволяли соответствующим образом развернуть научно-исследовательскую и научно-техническую деятельность музеев УССР. Со второй половины 1920-х гг., во время всеобщего подъема научной работы в Украине, появилась необходимость обратить внимание на повышение научно-исследовательской музейной работы, в которой нужно особо отметить научные экспедиции музеев и их издательскую деятельность [НА ИА НАНУ, ф. ВУАК, д. 79, л. 19].

Особого внимания заслуживают материалы музейного совещания 1928 г., которое состоялось в Киеве [НА ИА НАНУ, ф. 10, д. 11, л. 84—116; ИР НБУВ, ф. 70, д. 246]. Ведущие сотрудники музейных учреждений и управленческих структур (Главполитпросвета, Укрнауки) в докладах, тезисах, протоколах пленумов совещания конкретизировали содержание понятия музей, его задачи, типы музейных учреждений, место музеев в системе НКО УССР. Библиотеки, архивы, музеи, лаборатории, исследовательские станции признавались базой всей научной работы, всей образовательной системы УССР. «Они [вышеупомянутые учреждения] в первую очередь используются учеными для получения научных выводов. Эти выводы различными путями, а в первую очередь, через систему образования, становятся факторами воспитания и просвещения...» [НА ИА НАНУ, ф. 10, д. 11, л. 91 об.].

Музеи должны были обеспечивать ключевую базу научных исследований путем, прежде всего, систематизации материалов и введения их в научный оборот.

Подобная трактовка значения музея и основных направлений его деятельности стала важной основой для развития археологической науки в стенах музейных учреждений УССР. Научные исследования в области археологии этого времени,

основывались на позитивистской методологической платформе и были представлены двумя подходами — гуманитарным/историческим и природоведческим/антропологическим [Платонова, 2010, с. 42].

Смена акцентов в работе музейных учреждений и стабилизация музейной политики в УССР не в последнюю очередь зависела от преодоления административной раздробленности подчинения музеев. Знаковым стало постановление ВУЦИК и СНК УССР от 1 апреля 1925 г., реорганизовавшее Народный комиссариат просвещения УССР [Омельченко, 1975, с. 122]. Административное управление музеями возлагалось на Управление научными учреждениями НКО УССР (Укрнаука). Однако процесс перехода музеев в подчинение Укрнауки был нелегким. Отсутствие принципиальной разницы в составе и работе двух категорий музеев (подчиненных Главполитпросвету и Укрнауке) и, вместе с тем, разобщенность, не дававшая возможности спланировать их работу по охране памятников материальной культуры и природы и по проведению научных исследований, заставили поставить вопрос об объединении всех музеев в едином ведомстве Укрнауки. Вопрос об унификации подчинения всех музеев в УССР окончательно был решен лишь 28 сентября 1926 г. коллегией НКО, которая постановила передать руководство всей музейной работой Управлению научными учреждениями: «Констатируя определенный параллелизм в управлении музеями между Управлением научными учреждениями и Укрполитпросветом, который плохо отражается на музейной работе, коллегия НКО признает необходимым управление всей музейной работой УССР передать Управлению научными учреждениями со всеми сотрудниками, которые работают в музейном отделе Укрполитпросвета. Заведывание музейным делом в Управление научными учреждениями возложить на т. Криворотченко» [Дубровський, 2007].

Передача музеев Украины в подчинение Укрнауки положительно отразилась на научно-исследовательской работе музейных учреждений. В частности, значительно улучшилось финансирование учреждений [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 1166, л. 291]. Появилась возможность преодолеть препятствия «нормального субсидирования археолого-исследовательских работ» путем составления долгосрочного плана историко-археологических исследований в масштабе УССР [НА ИА НАНУ, ф. ВУАК, д. 79, л. 18].

Третий период развития музейной археологии советской Украины — сворачивание археологической деятельности музеев из-за наступления на национальную науку, внедрение жесткой политики централизации в научной сфере, массовые репрессии археологов-музейщиков, уничтожение очагов краеведения (1930—1934 гг.).

Тоталитарная государственная система, набирая силу, ради гипертрофированной

централизации стала на путь бескомпромиссного свертывания и/или ликвидации многих национально-республиканских центров науки и культуры. Не были исключением и музеи УССР. На этом этапе единичные музейные учреждения «по инерции» проводили археологические исследования, главным образом, археологически действенными оставались историко-археологические музеи всеукраинского/государственного значения (Одесский, Харьковский, Херсонский историко-археологические музеи).

Существенного изменения претерпела музейная политика, была разработана новая концепция музея. Знаковым событием в этом процессе стал Первый всесоюзный музейный съезд, который состоялся в 1931 г. Это событие знаменовало собой «великий перелом» в музейной политике. По словам Ивана Капитоновича Луппола — профессора кафедры исторического материализма этнографического факультета Московского государственного университета (1925—1931 гг.), а затем профессора кафедры и заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии Института красной профессуры (1925—1938 гг.), — в течение ряда лет «революция не стучалась в двери старых музеев», она проходила мимо, создавая новые музеи, право на существование которых было завоевано в октябре 1917 г.: музеи историко-революционные, историко-партийные, антирелигиозные и некоторые другие, а музеи, учрежденные в дореволюционное время, оставались в большинстве случаев кунсткамерами, «кладбищами монументов», коллекциями редкостей, эстетскими галереями, которые ничего не говорили о классовой борьбе, борьбе за социализм, о социалистическом строительстве [Луппол, 1931].

Задачей нового музея должно было стать освещение в экспозиции успехов и недостатков социалистического строительства (промышленности, сельского хозяйства и культуры). В соответствие с этой задачей началась активная борьба со «старым, традиционным, идеалистическим», осуждались формалистические методы, «музейная латынь». Особое внимание уделялось популяризации новых заводов, новых отраслей производства, музеи вовлекались в исследовательскую работу по изучению производительных сил, сырьевых ресурсов края, их рационального использования. Экспозиции музеев перестраивались по формационному принципу [Итоги, 1932].

Все вышеупомянутые факторы, по существу, привели к кардинальным изменениям в научно-исследовательской работе музеев в области археологии, которая была объявлена «враждебным вещеведением», «формализмом» и т.д. Попытка перехода на «новые марксистско-ленинские рельсы научно-исследовательской работы», началась с борьбы со «старыми методами буржуазной предреволюционной работы». Прежде всего, перелом начался на методологическом «фронте»,

развернулась «борьба с типологическим методом, эклектизмом и т.д., исходя из принципов марксо-ленинской науки» [Козловська, 1931].

Преобразование музеев в «подсобное орудие революции» предусматривало также изменение состава сотрудников. В журнале «Советский музей», в частности, отмечалось: «...раз и навсегда надо всем музейным работникам твердо усвоить, что научно-исследовательское и политико-просветительное учреждение, каким является музей в условиях строительства социализма, не может строиться научными работниками, не овладевшими учением Маркса — Ленина. Еще на первом съезде музеев мы указывали, что марксистские музеи нельзя строить немарксистскими руками, а тем более антимарксистскими» [XVII партсъезд, 1934].

В реалиях музейной жизни первой половины 1930-х гг. замена старых сотрудников реализовывалась путем «бескровных» репрессий — травля в прессе, увольнения с работы, постоянные реорганизации и прекращение деятельности научных учреждений, изменение тематики научных исследований с гуманитарных на природоведческие и/или технические, идеологизация научных исследований, принуждение к публичному обвинению себя и своих коллег в контрреволюционной или вредительской деятельности, лишение возможности заниматься научной работой, уничтожение уже опубликованных или подготовленных к изданию трудов, отказ в публикации научных работ, компрометация доброго имени в науке и т.д. [Бонь, 2007, с. 123]. Кадровые изменения, постоянные проверки Рабоче-крестьянской инспектуры стали обычным явлением музейной жизни УССР начала 1930-х гг. [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 9, д. 1501].

По мнению членов Коллегии НКО, вначале 1930-х гг. музейная работа в Украине уже пережила период приспособления старых музеев к новым советским условиям и вступила в период своей реконструкции, активного участия в социалистическом строительстве. Состояние музейного дела вместе с тем характеризовалось не только хаосом и стихийностью структуры, но и не меньшим «хаосом экспедиционного материала»: в своем большинстве, по мнению советских функционеров, он был случайным, бессистемным, отражал «вкусы собирателей» и при количественном богатстве не давал возможности освещать в экспозициях процессы, эпоху, общественно-экономические формации системно. Внутренняя структура определялась как устаревшая, формалистическая и построенная по принципам внешнего признака и происхождения вещей (археология, нумизматика, этнография), «вещь говорила за себя, а не за ту эпоху или процессы, которые ее создали», экспозиции музеев почти совершенно не отражали классовой борьбы в обществе. Чиновники также отметили, что имеющиеся кадры музейных работников принадлежали в основном к наименее вовлеченным в повседневный процесс

социалистического строительства и поэтому лишь незначительно отвечают требованиям музейной работы на этапе развернутого социального строительства, а часть музейщиков использовала учреждения для «идеологически вредной работы».

Вместе с тем, на заседании Коллегии НКО УССР в 1931 г. были отмечены и «положительные» сдвиги в музейной работе в Украине, связанные с решениями Первого всесоюзного музейного съезда. В частности, появлялись попытки применить «марксистский метод» в экспозиции, которая бы отвечала на злободневные нужды, устройства выставок антирелигиозных, посевных, уборочных, коллективизации, музеи начали проводить экспедиции, направленные на изучение не только прошлого, но и современного: геологические, изучение изменений в хозяйстве и быту, вызванных индустриализацией и коллективизацией, изучение производственных сил. Для налаживания музейного дела в Украине Коллегия НКО постановила: «в условиях социалистической реконструкции промышленности и социалистической коллективизации, ликвидации на этой базе кулака как класса; в условиях развернутого наступления по всему фронту и этим вызванного упрямого сопротивления, которое оказывают социалистическому строительству классово-раждебные пролетариату элементы, опираясь на поддержку своего капитала; в условиях развернутой культурной революции — музеи должны стать активным фактором этого строительства, мобилизуя, обучая, организуя и поднимая массы на борьбу со всеми препятствиями социалистическому строительству. В дальнейшем <...> необходимо независимо от того, кому музеи подчинены, формировать их по функциональному принципу по трем типам: производительных сил, социально-экономические, краеведческие». Исторические («музеи общественных формаций в развернутом виде») входили в группу социально-экономических музеев и должны были строить свои экспозиции «по общественным формациям, включая социалистический строй, заостряя внимание на классовой борьбе, как главном факторе исторического процесса» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 43, л. 35—38].

Яркой иллюстрацией процесса перестройки музея можно считать события, произошедшие на Мелитопольщине. Археологическая деятельность Мелитопольского музея краеведения, основанного 1 мая 1921 г. [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 172, л. 253], связана с именем Демьяна Яковлевича Сердюкова, который с момента основания до 1930 г. занимал должность заведующего музеем. Осуществлялась она, главным образом, в двух направлениях: выезд на места случайных находок и шурфование/раскопки разновременных курганов. Все полевые археологические достижения музея относятся ко второй половине 20-х годов. Однако уже в начале 1930 г. Д. Я. Сердюков был снят с должности, а научно-исследовательская работа музея претерпела существенные

изменения. В частности, ведущей задачей музея в 1931 г. стало участие в посевной компании: «... Мелитопольский музей, исходя из определенных материальных возможностей, распространяет свою постоянную сельскохозяйственную выставку, расширяет подотдел реконструкции сельского хозяйства на Мелитопольщине <...> 1931 год — третий год пятилетки — будет иметь решающее значение в борьбе за завершение фундамента социалистической экономики. Главное наступление будет идти по линии сельского хозяйства и будет направлено на выполнение декабрьского постановления пленума ЦК КПБ(у) о коллективизации. В этом наступлении решающее значение будет иметь весенняя посевная компания... Музеи и библиотеки должны в этой весенней кампании принять активное участие, широко популяризируя ее среди населения, возбуждая активность масс, так для лучшего проведения этой компании, как и для выполнения всех ее задач...» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 559, л. 413—414]. Подобная резкая смена направлений научно-исследовательской и культурно-образовательной деятельности была присуща почти всем краеведческим музеям УССР начала 1930-х гг.

Значительный удар по музейной сети нанесла также очередная административная реформа 1930 г. Ликвидация округов привела к ухудшению условий работы музеев, вытеснению их в худшие помещения (Сталино, Каменец-Подольский, Белая Церковь, Сумы и др.), уменьшению финансирования и внимания, а также вызвала к жизни недопонимания относительно территории, на которую распространялась научная деятельность того или иного учреждения [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 43, л. 35].

Предложенная периодизация развития музейной археологии советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг., в целом, соотносится с периодизацией развития краеведческого движения в УССР, разработанной В.С. Прокопчуком. В частности, организационный период музейной археологии УССР совпадает с периодом формирования организационных, материальных, кадровых предпосылок, идейно-теоретических и методологических основ краеведения советской эпохи. Период расцвета музейной археологии приходится на «звездные» годы бурного подъема краеведческого движения, увеличения количества краеведческих формирований и их членов, развертывания исследований, издания разнообразной краеведческой литературы. Репрессивная политика в музейной археологии начала 1930-х гг. присуща и отечественному краеведению в целом. Конец 20-х — начало 30-х гг. XX ст. стал рубежным и роковым для гуманитарной отечественной науки, «золотой век» региональных исследований завершился массовыми репрессиями [Прокопчук, 2009]. Параллели находим и между этапами развития музейной археологии УССР и периодизацией

истории русской советской археологии, предложенной А.А. Формозовым. Российский археолог и историк науки, используя социально-политические критерии, выделил следующие периоды: «революционной разрухи» (1917—1921 гг.), «передышка» эпохи нэпа (1921—1928 гг.), «разгром» (1929—1933 гг.) [Платонова, 2010, с. 31].

Таким образом, в развитии музейной археологии УССР выделяется три основных этапа. Первый период — становления и организации/реорганизации музейных учреждений как центров региональной археологии (1919—1923 гг.), полевые археологические исследования в этот период проводились, главным образом, музеями, созданными в дореволюционное время. Музей понимался как, в первую очередь, «хранилище». Второй этап — расцвет полевой музейной археологии (1924—1930 гг.), период, когда большинство музеев проводили разведки/раскопки. Музейная сеть была объединена в подчинение Укрнауки НК УССР, музей приобрел значение научно-исследовательского учреждения. Третий период — сворачивание археологической деятельности музеев советской Украины вследствие наступления на национальную науку, массовые репрессии археологов — музейщиков, уничтожение центров краеведения (1930—1934 гг.).

Дальнейшие исследования дадут возможность уточнить особенности развития музейной археологии Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. в отдельных регионах, проследить влияние организационных и социальных факторов на изменение хронологических границ периодов.

Бонь О.І. «... Методологія в мене не відповідає сучасним вимогам, зато мої знання їм необхідні» / О. І. Бонь // Сумська старовина. — 2007. — № XXI—XXII. — С. 123—131.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов) / В. Ф. Генинг. — К., 1982. — 226 с.

Грушевський М.С. Перспективи і вимоги української науки (Київська сесія Укрнауки) // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. — 1926. — Кн. 1. — С. 3—15.

Дубровський В.В. Чергові завдання сучасного музейного будівництва на Україні // Український музей. — Збірник 1: Репринтне видання 1927 року. — К., 2007. — С. 17—22.

Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг. / Ю. Н. Жуков. — М., 1989. — 304 с.

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ) ф. 70, д. 246, 32 л.

Итоги XVII партконференции и задачи музейной работы // Советский музей. — 1932. — №2. — С. 3—7. Козловська В.Є. Нові напрямки в археологічній роботі Всеукраїнського археологічного комітету ВУАН у 1931 р. / В. Є. Козловська // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. — 1932. — Кн. 1—2. — С. 193.

Курінний П.П. Історія археологічного знання про Україну / П. П. Курінний. — Мюнхен, 1970. — 140 с.

Луппол И.К. На путях перестройки / И. К. Луппол // Советский музей. — № 3. — 1931. — С. 4—10.

Маньковська Р.В. Музейництво в Україні / Р. В. Маньковська. — К., 2000. — 140 с.

Научный архив Института археологии НАН Украины (далее НА ИА НАНУ) ф. ВУАК, д. 79, 21 л. НА ИА НАНУ, ф. 10 (П. П. Куриной), д. 11, 136 л.

Омельченко Ю. А. Музейне будівництво на Україні в 1921—1945 рр. / Ю. А. Омельченко // Український історичний журнал. — 1975. — № 3. — С. 122—128.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века / Н. И. Платонова. — СПб., 2010. — 314 с.

Потупчик М. В. Археологічні дослідження на Вінниччині 20-х — першої половини 40-х років [Електронний ресурс] // М. В. Потупчик, М. Є. Потупчик. — Режим доступу: <http://muzey.vn.ua/node/198>. Доступ — 19.05.2010 р.

Прокопчук В.С. Інституціоналізація краєзнавчого руху Правобережної України 20-х років ХХ — початку ХХІ ст.: етапи, форми, напрями діяльності: автореф. дис... д-ра іст. наук / В.С. Прокопчук. — Чернівці, 2009. — 34 с.

Пудовкіна А.С. Музейна археологія Радянської України у 1920-х — першій половині 1930-х рр.: до постановки проблеми / А. С. Пудовкіна // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Х., 2010. — Вип. 13. — С. 206—214.

XVII партс'їзд і задачі музеєв // Советский музей. — 1934. — № 2. — С. 4—9.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 53 об.—54.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 680, л. 13—14 об.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 704, л. 3.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 780, л. 7.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 43, л. 35—38.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 559, л. 413—414.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1156, л. 20.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 16, л. 22.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 1166, л. 291.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 413, л. 9.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 55.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 3418, л. 25.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 9, д. 1501.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1211, л. 32—36 об.

Черненко О.Є. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського (1896—1948 рр.) / О.Є. Черненко // Скарбниця української культури. — Вип. 9 (Спецвип. 1). — Чернівці, 2007. — 136 с.

Шевчук С.П. Археологічна діяльність краєзнавчих музеїв на Запоріжжі в 20—30 рр. / С. П. Шевчук // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — 1999. — Т. VII. — С. 194—199.

Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. — Х., 1919 — 103с.

Шовкопляс І.Г. Розвиток радянської археології на Україні (1917—1966). Бібліографія / І. Г. Шовкопляс. — К., 1969. — 344 с.

Ясь О.В. Дубровський Василь Васильович / О. В. Ясь // Енциклопедія історії України: Т. 2: Г-Д / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. — К., 2004. — С. 489.

А. С. Яненко

МУЗЕЙНА АРХЕОЛОГІЯ
РАДЯНСЬКОЇ УКРАЇНИ
1920-х — ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ
1930-х рр.: ЕТАПИ РОЗВИТКУ

Стаття присвячена періодизації розвитку музейної археології радянської України 1920-х — першої половини 1930-х рр. Критерієм періодизації є кількісний і якісний стан археологічних досліджень, які проводились за участі музейних працівників. Розглянуті зміни акцентів у науково-дослідній роботі музеїв, трансформація у методологічних підходах археологів-музейників, зміни у адміністративно-територіальному підпорядкуванні музейних установ, зміна джерел фінансування музеїв. У розвитку музейної археології радянської України 1920-х — першої половини 1930-х рр. виділено три основні етапи. Перший період — становлення та організації/реорганізації музейних осередків як центрів регіональної археології (1919—1923 рр.). Другий період — розквіт польової музейної археології (1924—1930 рр.), час, коли більшість музеїв проводили розвідки, реконосцировки та розкопки. Третій період — згасання археологічної діяльності музеїв радянської України через наступ на національну науку, масові репресії археологів — працівників музею, знищення осередків краєзнавства (1930—1934 рр.).

A. Yanenko

THE MUSEUM ARCHAEOLOGY IN
SOVIET UKRAINE IN
1920s — FIRST HALF OF 1930s:
THE STEPS OF DEVELOPMENT

The article discusses the periodization of development of the Museum Archaeology in Soviet Ukraine in 1920s — first half of 1930s. The criterion of the periodization is quantitative and qualitative conditions of archaeological research conducting by museum staff. The changes of accents in research activity, transformations in methodological approaches of the Archaeological Museum, modifications in the administrative and territorial subordination of museum institutions, alterations of funding source of museums are examined. Three main periods are marked out in the development of museum archeology of the Soviet Ukraine in the 1920s — first half of 1930s. The first stage (1919—1923) reveals isolated instances of archaeological field investigation. The true blossoming of museum archaeology and museum archaeological investigation came during the second period (1924—1930). Museums became recognized as scientific research institutions. These flourishing investigations, however, were swiftly ended by the new policies of the Soviet government aimed at both changing the role of museums and the ideology of museum staff (the third period, 1930—1934). Escalation of attacks on national science, mass repressions of museum archaeologists, and the destruction of the local history study centers were government's tools.

Л. В. Я с н о в с ь к а

ДОСЛІДЖЕННЯ ДАВНЬОРУСЬКИХ СТАРОЖИТНОСТЕЙ ЧЕРНІГІВЩИНИ СПІВРОБІТНИКАМИ ЧЕРНІГІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО МУЗЕЮ У 20—30-х рр. ХХ ст.

Стаття присвячена археологічним дослідженням пам'яток IX—XIII ст. на Чернігівщині. Висвітлюється історія їх вивчення, повертаються імена забутих дослідників.

К л ю ч о в і с л о в а: історія археології, Чернігівський державний музей, Чернігів, Шестовиця, розкопки.

Важливу роль у вивченні давньоруських старожитностей відіграли музейні заклади Чернігівщини. Музейна справа на Чернігівщині розвивалася як невід'ємна складова історико-краєзнавчого руху. Виникнення музеїв, з одного боку, було об'єктивно зумовлене логікою життя, потребами подальшого вивчення історії, географії, економіки і культури краю, а з іншого боку, краєзнавчі та історико-археологічні музеї являли собою матеріалізований результат регіональних досліджень [Ткаченко, 2007, с. 33].

Центром музейної справи регіону був Чернігів, де натоді функціонували п'ять осередків, що виникли в результаті реорганізації музейної мережі [ДАЧО, ф. Р—593, оп. 1, спр. 1516, арк. 67 зв., 69]. 1-й Радянський музей був створений на базі Музею українських старожитностей ім. В.В. Тарновського. Завідувачем музею було призначено археолога і нумізмата В.А. Шугаєвського. 2-й Радянський музей успадкував зібрання Історико-археологічного музею Чернігівської губернської вченої архівної комісії. Очолив цей музей археолог П.І. Смолічев. 3-й Радянський музей, або «Музею панського побуту за часів кріпацтва», було засновано 1919 р. на базі націоналізованої садиби Милорадовичів. Завідувачем музею було

призначено Г.М. Вакуловського. 4-й Радянський музей — етнографічний, виник з ініціативи Чернігівського наукового товариства у вересні 1920 р. Директором його став відомий етнограф Б.К. Пилипенко. 5-й Радянський музей — музей культурів — був створений у 1921 р. на базі Єпархіального давньосховища. Його завідувачем було призначено відомого краєзнавця В.Г. Дроздова.

Наприкінці 1923 р. усі ці заклади були об'єднані в один — Чернігівський державний музей (далі — ЧДМ), першим директором якого став Ю.В. Оландер [НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 46/24, арк. 12]. Він, з огляду на неабиякий науковий потенціал співробітників ЧДМ, звернувся до Всеукраїнської археологічної комісії (далі — ВУАК) з проханням, враховуючи складну процедуру видачі «окремих дозволів ВУАК на кожну розкопку ДержМузею», надати музею постійний дозвіл на проведення археологічних досліджень на території Чернігівщини [НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 38, арк. 17].

До ВУАК було направлено список співробітників, що мали досвід археологічних робіт, але дозволу на самостійне проведення робіт ЧДМ не отримав. Натомість ВУАК порадив співробітникам музею звернути увагу на «попередні розшуки і збори з поверхні землі, аніж розкопки могил», зважаючи на «незвичайне багатство Чернігівщини на пам'ятки сіверянської культури». ВУАК рекомендував музейникам передусім практикувати «збори на поверхні городищ та по дюнах» [НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 34, арк. 12].

Водночас ВУАК намагався спрямувати археологічні студії в регіоні. У виданих Відкритих листах чітко визначалися території та старо-

житності для досліджень чернігівських археологів. Так, В.А. Шугаєвському було запропоновано провести розкопки пам'яток на околицях сіл Радичів, Городище, Розльоти, Псарівка (сучасна Свердловка) на території Новгород-Сіверського Подесення; В.Г. Дроздову — дослідити мумії, виявлені у крипті церкви Різдва Богородиці в Седневі; С.Г. Баран-Бутовичу — обстежити сіверянські могили поблизу сіл Гучин, Рогоща, Мохнатин, Довжик з метою збереження археологічних пам'яток, що можуть «загинуть через нищення місцевим населенням»; П.І. Смолічеву — розкопати кургани біля с. Шестовиця і виявити додаткову інформацію «до дослідів Д.Я. Самоквасова та його висновків» [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 40, арк. 25].

Навесні 1925 р. до с. Шестовиці був відраджений студент Чернігівського інституту народної освіти для проведення «політико-освітньої роботи» Я. Поплавський, який зацікавився місцевими пам'ятками старовини та «відношенням до них» мешканців села. Повернувшись до Чернігова, він повідомив ЧДМ про факт руйнації курганів у ході вирубки лісу, виборки піску, розширення присадибних ділянок та іншої господарської діяльності, відзначаючи «небезпечний стан тих, що залишилися» [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 40, арк. 2].

З травня 1925 р. директором ЧДМ призначили М.Г. Вайнштейна. До кола його інтересів потрапили як археологічні, так і архітектурні пам'ятки Чернігово-Сіверщини. За матеріалами ВУАК перші археологічні дослідження М.Г. Вайнштейн провів у Конотопському повіті біля с. Червоний Ранок (тепер Коропський р-н Чернігівської області).

Зважаючи на загрозливий стан унікальних пам'яток біля с. Шестовиці, ЧДМ влітку 1925 р. спорядив експедицію під керівництвом П.І. Смолічева. Кошти на проведення розкопок, що з перервами тривали три польові сезони, асигнували місцеві органи влади. Як зазначав сам П.І. Смолічев, вони відбулися завдяки «допомозі зав. наросвітою тов. Ф.М. Виленського та енергії зав. Держмузеєм М.Г. Вайнштейна» [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, опр. 29, арк. 4–5]. За авторитетним твердженням Д.І. Бліфельда, це були перші серйозні дослідження давньоруських курганів на Чернігівщині за радянського часу [Бліфельд, 1955, с. 9, 11].

Власне, розкопки у Шестовиці П.І. Смолічев розпочав ще в березні 1925 р. під час обстеження разом з першим директором ЧДМ Ю.В. Оландером тамтешнього археологічного комплексу. Тоді він дослідив могилу під одним з курганів [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 25, арк. 9]. Крім того, було знято план усіх курганних груп, городища й посаду, яким і досі користуються сучасні дослідники. Для з'ясування культурно-хронологічної приналежності городища П.І. Смолічев заклав 2 невеликі розвідкові шурфи у південно-східній частині май-

данчика і помилково зафіксував материк на глибині 0,25 м, прийнявши за нього розсунутий насип валу. Тому, в подальшому він зосередив зусилля на розкопках курганів.

Загалом П.І. Смолічев дослідив 42 кургани Х ст., що містили поховання за обрядами трупопалення і трупопокладення, а також кілька кенотафів, причому розкопки велися, головним чином, колодязем і траншеями.

Протягом першого польового сезону було розкопано 12 курганів у різних групах. П.І. Смолічев наголосив, що йому вдалося зафіксувати могили з трупопокладенням, «характер яких не був відомий таким дослідникам культури та побуту сіверянського племені, як проф. Д. Я. Самоквасову та проф. В.Б. Антоновичеві» [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 29, арк. 5]. Особливий інтерес становили парні поховання з конем у дерев'яних гробницях і могильній ямі. За результатами розкопок дослідник констатував, що «могили з трупопокладенням, без сумніву, мають найтісніший зв'язок з варязькою культурою, як не є цілком варязьким» [Смолічев, 1926, с. 180]. Згодом цю думку розвинули вчені, які вели розкопки в Шестовиці у повоєнні роки. Здобуті П.І. Смолічевим матеріали мали важливе значення для вивчення процесу становлення феодальних відносин на території Київської Русі. Тому не випадково у 1925 р. археолог став членом ВУАК, а пізніше — співробітником комісії Лівобережної України при Історичній секції УАН [Курінний, 1994, с. 128].

У роботі експедиції активну участь взяли співробітники музею — В.А. Шугаєвський, С.Г. Баран-Бутович, М.Г. Вайнштейн. Фотофіксацію здійснював фотограф П.К. Проута, який приїздив з Чернігова [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 24, арк. 57, 82, 89].

Під час перерви в розкопках Шестовицького могильника, через брак коштів, дослідники провели розвідку в нижній течії Десни, оглянувши околиці с. Морівська, поблизу якого, за матеріалами П.С. Уварової, знаходилась курганна група з 5 насипів. П.І. Смолічев уперше обстежив ур. Валок і зробив висновок, що його територія являє собою «старое городище». Він також встановив, що з 5 курганів у цій місцині залишилося лише 2, причому один з яких вже наполовину розкопаний [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 23б, арк. 47зв.]. Про успіхи першої експедиції П.І. Смолічева музей звітувався перед Укрнаукою, визначаючи, що «при першій змозі необхідно продовжувати розкопки в широкому масштабі» [ЦДАВО України, ф. 166, оп. 5, спр. 729, арк. 403зв.].

Протягом третього польового сезону П.І. Смолічев зміг розкопати 17 курганів. Цікавим було подвійне поховання з конем у зрубній гробниці та багатим інвентарем, а також рідкісне для території Київської Русі поховання загнужданого коня без будь-яких решток людських кісток. Останнє було вирізане

монолітом, вміщене у спеціально виготовлений ящик і по Десні доставлене до Чернігова для подальшого експонування у ЧДМ. Наприкінці серпня 1927 р. експедиція припинила подальші дослідження у Шестовиці, через те, що П.І. Смолічев на початку вересня за вказівкою ВУАК виїхав на Дніпропетровщину для проведення розкопок селища та могильника XI—XIII ст. на острові Кічкас [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 103, арк. 4—4 зв.].

Саме тоді розпочалось будівництво комплексу Дніпрогесу, в ході якого історичні пам'ятки регіону зазнали руйнації. Для їх дослідження бракувало не тільки коштів і часу, але й кваліфікованих кадрів. У пошуках виходу з цієї скрути ВУАН і Наркомосвіта вдалися до створення спеціальної експедиції для дослідження території Дніпробуду на чолі із завідувачем Дніпропетровським історико-археологічним музеєм акад. Д.І. Яворницьким.

З листування С.С. Гамченка та П.І. Смолічева відомо, що на Дніпробуд були відряджені й досвідчені співробітники ЧДМ з досвідом проведення археологічних розкопок — С.Г. Баран-Бутович і Т.М. Головинська, а також фотографі — Вахгаузен і Прута [НА ІА НАНУ, ф. 3, оп. 1, спр. 86, арк. 1—1 зв.]. Протягом 1928—1930 рр., з травня по листопад, П.І. Смолічев, незважаючи на заперечення директора ЧДМ М.Г. Вайнштейна, проводив розкопки на території Дніпропетровщини. У такий спосіб було проігноровано плани ЧДМ, який з року в рік замовляв Відкриті листи та виділяв фінансування для проведення П.І. Смолічевим розкопок у Шестовиці та Радичеві [ЦДАВО України, ф. 166, оп. 6, спр. 7660, арк. 80, 242, 352].

Незважаючи на ці обставини, П.І. Смолічев і надалі опікувався Шестовицькими старожитностями. Залишаючись завідувачем археологічного відділу ЧДМ, П.І. Смолічев розумів, що виявлені артефакти потребували «негайних заходів, що до консервації». Відтак, він порушив клопотання про направлення його у лютому—березні 1929 р. у відрядження до Державної Академії історії матеріальної культури у Ленінграді для опанування технології консервації, закріплення та реставрації експонатів, що «конче вимагають інтереси та потреби Чернігівського Державного Музею» [ЦДАВО України, ф. 166, оп. 6, спр. 3462, арк. 95—95 зв.]. Під час відрядження до Ленінграда у квітні 1929 р. П.І. Смолічев виступив у ДАІМК з доповіддю «Раскопки по Днепру и Десне в 1925—1928 гг.», проаналізувавши результати своїх досліджень і виділивши три головні групи поховань літописних сіверян X ст. [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 83].

Набутий археологом досвід здобув гідну оцінку з боку керівництва ВУАК — академік О.П. Новицький у червні 1930 р. запросив П.І. Смолічева взяти участь у розробці інструкції щодо проведення польових археологічних

досліджень та форм наукової звітності про них [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 85]. Цінували П.І. Смолічева і в ЧДМ. М.Г. Вайнштейн клопотався про підвищення заробітної плати П.І. Смолічеву, що дозволило б «йому працювати виключно в Музеї й принести Музею ту користь, що він міг би принести» [ЦДАВО України, ф. 166, оп. 6, спр. 3462, 72].

Значну увагу П.І. Смолічев приділяв музейній роботі. Як відомо, 1922 р. місцеві музейні заклади були підпорядковані Головополітосвіті, функціонери якої у 1923 р. розробили спеціальну програму їх подальшого розвитку музейної мережі. Йшлося передусім про посилення ідеологічної складової музейної справи. У листі до П.П. Курінного від 18 січня 1926 р. П.І. Смолічев висловив свої побоювання з цього приводу: «Боюся, аби умови роботи не змінилися в нашому музеї взагалі. Сьогодні повернувся з Харкова М.Г. Вайнштейн (наш завідуючий) і привіз не дуже гарні, на мій погляд, відомості, а саме — Чернігівський музей є думка повернути в соціальний, на зразок Полтавського. Такою ж жертвою намічається ще й Житомирський музей. Перехід до Головнаки, що до повної міри гарантувало б музей від таких експериментів, чомусь затримується, а на Ванштейна нажимають, хоч к чести його треба сказати, що він, особисто, не поділяє погляду Головополітосвіти на будівництво соціальних музеїв на зразок Полтавського. Але ж я боюся коли б він не здався, а тоді працювати буде важко. Можливо, що все це ще перемелеться, але ж в сучасний мент справа стоїть так. Я цілком розумію зараз і його становище, він, безумовно, не хоче псувати музею, але ж від нього будуть вимагати, — становище тяжке» [НА ІА НАНУ, ф. 6, спр. 43, арк. 2].

Тенденція до реорганізації музеїв, застосування вульгарно-соціологічного підходу до оцінки історичних і культурних явищ, як відомо, не виправдали себе і згубно позначилися на розвитку науки. Від цього найбільше постраждали археологічні відділи та колекції. Чернігівський музей вдалося відстояти. В 1926 р. історико-археологічний відділ музею було розділено на археологічний відділ, де завідувачем залишився П.І. Смолічев, та історичний. У НА ІА НАНУ зберігається проспект «Чернігівський державний музей. Археологічний відділ», написаний П.І. Смолічевим 1926 р. У його особовому архіві відкласяся також доповідна записка про значення музеїв для розвитку науки і культури та методи удосконалення їхньої роботи [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 17].

На початку 1927 р. ВУАН, виконуючи постанову президії Укрнауки, включив Спасо-Преображенський собор та Іллінський монастир у Чернігові до числа видатних пам'яток української культури. У зв'язку з цим, на початку травня 1927 р. було створено Комісію по дослідженню пам'яток матеріальної культури при

Чернігівському окривконкомі, до складу якої було включено М.Г. Вайнштейна і П.І. Смолічева. Протягом 6 — 9 травня 1927 р. члени комісії оглянули Спаський собор, Іллінську та Введенську церкви, монастирську дзвіницю з метою підготовки кошторису для проведення ремонтно-реставраційних робіт [НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 40, арк. 13—16].

Підсумки вивчення давньоруських старожитностей у цей час було підведено у збірнику наукових праць «Чернігів і Північне Лівобережжя» (1928), виданому за редакцією акад. М.С. Грушевського. Значний інтерес становить зміщена в ньому студія П.І. Смолічева «Чернігів та його околиці за часів великокнязівських» [Смолічев, 1928]. Він критично проаналізував результати досліджень своїх попередників О.Ф. Шафонського, М.Є. Маркова, М.А. Маркевича, П.В. Голубовського, О. К. Яригіна та ін. Передусім, П.І. Смолічев порушив питання — чи був Чернігів у перші часи свого існування «осередком Сіверянської землі, чи таким осередком був Сновейськ». На його думку, переваги місцезнаходження Чернігова «яко економічного осередку» з часом примусили перенести до нього й «адміністративно-політичний осередок» [Смолічев, 1928, с. 122].

Походження назви Чернігова П.І. Смолічев пов'язав з «великими, темними (чорними) гаями, що навколо оточували його». Традиційну версію, що пов'язувала назву міста з князем Чорним, на думку П.І. Смолічева, спростовують матеріали розкопок Чорної Могили у 1872—1873 рр., яка «відноситься до X сторіччя» [Смолічев, 1928, с. 123].

П.І. Смолічев звернувся до аналізу топографії міста і, в першу чергу, стародавнього дитинця. Він уточнив інформацію О.К. Яригіна про фортечні вали з північно-західного та західного боків на території давньоруського дитинця, які були зруйновані «після 1803 року, коли затверджено було нове планування міста Чернігова» [Смолічев, 1928, с. 127]. Дослідник висловив припущення щодо формування території Третьяка внаслідок «збільшення населення та розширення його території» [Смолічев, 1928, с. 130].

Найбільшу увагу П.І. Смолічев приділив пам'яткам давньоруської архітектури — Спаському та Борисоглібському соборам. Водночас він наголосив на необхідності встановлення місцезнаходження Михайлівської та Благовіщенської церков. Натоді більшість дослідників пов'язувала розкопані Т.В. Кибальчишем, Д.Я. Самоквасовим, П.С. Кармалеем та М.А. Сахновським рештки кам'яної споруди з Михайлівською церквою. Натомість П.І. Смолічев наполягав на тому, що «підмурки, що існують в садибі кол. повітового земства, є останки церкви Благовіщення» [Смолічев, 1928, с. 136—139]. Це повністю відповідає висновкам,

яких дійшов Б.О. Рібаков у процесі розкопок 1946—1947 рр. [Рібаков, 1949, с. 89—90].

П.І. Смолічев підтримав думку Ф.Ф. Горностаєва про час спорудження П'ятницької церкви наприкінці XII ст. або на початку XIII ст. Крім того, він, на підставі досліджень І.В. Моргилевського, Успенський собор Єлецького монастиря датував XII ст., а Іллінську церкву визнав пам'яткою XI ст. [Смолічев, 1928, с. 142—144]. Зазначимо, що П.І. Смолічев згадав про рятівні археологічні розкопки С.Г. Баран-Бутовича влітку 1924 р. на території колишнього Передгороддя, в історичному центрі Чернігова на розі вулиць Шосейної та Богоявленської (сучасні вул. Шевченка та проспект Миру), під час яких було виявлено три поховання у цегляних саркофагах, вкритих шиферними плитами [НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 40/2, арк. 1]. Він вважав, що на цьому місці «існувала церква, на цвинтарі якої й були ці могили або — це взагалі міське кладовище» [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 9, арк. 42].

П.І. Смолічев все ж таки змінив місце роботи — скоріше за все, не з власної волі. У серпні 1931 р. Його було призначено на посаду завідувача сектора послідовної зміни культур Державного музею Дніпробуду. Свої повноваження завідувача археологічного відділу ЧДМ він передав завідувачу історичного відділу С.Г. Баран-Бутовичу [НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 17; Арендар, 1996, с. 48].

До узагальнюючих праць з історії Чернігова по праву можна віднести підготовлену С.Г. Баран-Бутовичем брошуру «Чернігів як об'єкт історично-краєзнавчих екскурсій» (1931 р.). Скоріше за все вона, була підготовлена для тих, хто мав би проводити екскурсії по території заснованого нещодавно Чернігівського державного заповідника. С.Г. Баран-Бутович, характеризуючи топографію Чернігова та його муровану архітектуру, детальніше зупиняється, ніж це було в роботі П.І. Смолічева, на пам'ятках «малярства великокнязівської доби» — фресковому живопису Спаського та Успенського соборів.

Як археолог С.Г. Баран-Бутович досліджував пам'ятки різних епох. Так, влітку 1931 р. він розкопав землянку «великокнязівських часів» на околиці Чернігова — Бобровиці. В особистому фонді С.Г. Баран-Бутовича в ДАЧО зберігається замальовка житла XI—XIII ст., яке знаходилося «на 100 метрів від Лукової площі, що прилягає до кручі, з боку Бобровиці» [ДАЧО, Ф. Р—3011, оп. 1, спр. 63, арк. 14; ДАЧО, ф. Р—3011, оп. 1, спр. 68, арк. 1].

С.Г. Баран-Бутович скаржився, що майже півроку в археологічному відділі ЧДМ не було жодного співробітника [ДАЧО, ф. Р—3011, оп. 1, спр. 30, арк. 9]. Поява у 1934 р. у складі музею О.О. Попка у перспективі могла виправити ситуацію. Він брав участь у роботах Поліської археологічної експедиції ПМК УРСР

у 1936—1939 рр., Деснянської експедиції М.В. Воеводського і разом з Б.О. Рибаківим досліджував роменські культурні шари на Пушкарівському городищі у 1939 р., але самостійних розвідок та розкопок на території області у довоєнний період не проводив.

До ЧДМ надходили також виявлені під час земляних робіт окремі знахідки та скарби. Особливий інтерес становив скарб ювелірних прикрас з с. Гущин. У науковій літературі зазначалось, що він був знайдений на початку 30-х рр. ХХ ст. «біля одного з курганів» або «в районі курганної групи» [Корзухина, 1854, с. 86; Черненко, 1996, с. 77]. Під час проведення розвідкових робіт на території Гущинського городища у 1988 р., шляхом опитування місцевих мешканців, автором цієї статті було встановлене точне місце знахідки — за 300 м на південний-схід від давньоруського городища [Коваленко, Марченко, 1991, с. 48].

Як і раніше, до музею регулярно передавав свої знахідки мешканець с. Гориця Ф.Г. Любенко. У 1928 р. М.Г. Вайнштейн звернувся до Наркомосвіти УРСР з проханням відзначити його грошовою премією, але натомість у місцевій газеті була надрукована подяку, «зазначивши характеристику та цінність речей. Це було б доцільно в справі популяризації ідеї охорони пам'яток між громадянами», а також «видати селянину Любенку окремо <...> подяку» [ЦДА-ВО України, ф. 166, оп. 6, спр. 2740, арк. 4—5].

Отже, наведені факти археологічної діяльності співробітників ЧДМ по вивченню давньоруських старожитностей протягом 20—30-х рр. ХХ ст. дають можливість виділити кілька етапів їх дослідження. Перший, найбільш плідний, з 1923 по 1928 рр., на якому активно працювали П.І. Смолічев, В.А. Шугаєвський, М.Г. Вайнштейн, С.Г. Баран-Бутович, Т.М. Головинська характеризується розгортанням систематичних археологічних досліджень на терені Чернігівщини шляхом створення археологічної експедиції ЧДМ. Другий етап охоплює 1931—1939 рр., і пов'язаний з епізодичними роботами С.Г. Баран-Бутовича та О.О. Попка у складі інших археологічних експедицій.

На жаль, внаслідок політичних репресій у 30-х рр. ХХ ст., значною мірою спрямованих проти представників наукової та творчої інтелігенції, науковий осередок Чернігівського державного музею було знекровлено і студювання давньоруської історико-культурної спадщини краю фактично згорнуто.

Арендар Г. Чернігівський історичний музей у 20—90-і роки / Г. Арендар, С. Лихачова // Родовід. — К., 1996. — № 14. — С. 45—53.

Бліфельд Д.І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. / Д. І. Бліфельд // Археологічні пам'ятки УРСР. — К., 1955. — Т. V. — С. 16—21. ДАЧО, ф. Р—593, оп. 1, спр. 1516, 124 арк. (Черновые доклады и отчеты по отделам и секциям

Губнадзора, Комитету охорони пам'яток старини и искусств).

ДАЧО, ф. Р—3011, оп. 1, спр. 30, 17 арк. (Переписка проф. Баран-Бутовича С. Г. с ЦК союза политпросветработников по обвинению его в буржуазном национализме при построении экспозиции в Черниговском государственном историческом музее).

ДАЧО, ф. Р—3011, оп. 1, спр. 63, 14 арк. (Зарисовка остатков жилища-землянки смерда (крестьянина) XI—XIII ст. на Бобровице).

ДАЧО, ф. Р—3011, оп. 1, спр. 68, 12 арк. (Материалы научного обследования костей мамонта, найденного в окрестностях г. Чернигова, и чертеж-схема археологических раскопок на Бобровице).

Коваленко В.П. Гущинское городище близ Чернигова / В. П. Коваленко, В. Н. Марченко // Археология и история Юго-Востока Руси. — Курск, 1991. — С. 46—48.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX—XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. — М.—Л., 1954. — 123 с.

Курінний П. Історія археологічного знання про Україну / П. Курінний. — Полтава, 1994. — 140 с. НА ІА НАНУ, ф. 3, оп. 1, спр. 86, 2 арк. (Лист П. І. Смолічева до С. С. Гамченка).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 9, 43 арк. (Старий Чернігів та його околиці за часів великокнязівських, 14 лютого 1925 р., 43 арк.).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 17, 1 арк. (Акт передачі археологічного відділу Чернігівського державного музею).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 23 б, 47 арк. (Щоденник розкопок у с. Шестовиці на Чернігівщині на городищі «Коровель»).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 24, 90 арк. (Дневник раскопок северянских курганов в с. Шестовице, Черниговского округа, произведенных по поручению Черниговского государственного музея П. И. Смолічевым летом 1925 г.).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 25, 70 арк. (Щоденник розкопів сіверянських могил в с. Шестовиці, Чернігівської округи, переведених за дорученням Чернігівського державного музею П. І. Смолічевим влітку 1925 р.).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 29, 7 арк. (Розкопки сіверянських могил в с. Шестовиці на Чернігівщині влітку 1925 р.).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 40, 33 арк. (Могили біля с. Шестовиці на Чернігівщині).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 43, 2 арк. (Лист П. І. Смолічева до П. П. Курінного).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 83, 4 арк. (Раскопки по Днепру и Десне в 1925—1928 гг. (Доклад в Государственной академии истории материальной культуры, Ленинград)).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 85, 12 арк. (Чернігівський державний музей. Реєстраційна картка для позамузейних пам'яток).

НА ІА НАНУ, ф. 6, оп. 1, спр. 103, 16 арк. (Копії листів Дніпропетровського краєвого інспектора охорони пам'яток культури П. Козара до Головнаки Наркомосу з приводу археологічних робіт на Дніпробуді).

НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 34, 21 арк. (Листування з установами та з окремими археологами з приводу видачі їм Відкритих листів на право переведення археологічних розкопок на території УРСР).

НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 38, 355 арк. (Стан пам'яток культури. Листування в справах

охорони пам'яток культури, археологічних та історичних знахідок, розкопок та ін.)

НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 40, 50 арк. (Реставраційні роботи в Чернігові (Спаський собор, Єлецька церква, Іллінська церква), 10 червня 1925 р. — 10 березня 1930 р.).

НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 40/2, 4 арк. (Зповідомлення ВУАК Комісії по дослідженню пам'яток матеріальної культури Чернігівського інституту краєзнавства при Губвиконкомі, 29 липня 1924 р.)

НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 46/24, 12 арк. (Чернігівський музей. В справі археологічних розкопок та список наукових співробітників музеїв Чернігівщини, 4 квітня 1925 р.).

НА ІА НАНУ, ф. ВУАК, оп. 1, спр. 64, 72 арк. (Листування з ВУАН, з музеями та з окремими особами в справах дозволу на розкопки, штатів ВУАК, коштів ВУАК, протоколи засідань ВУАК та ін.).

Рыбаков Б.А. Древности Чернигова / Б.А. Рыбаков // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 11. — М.—Л., 1949. — С. 7—99.

Смолічев П.І. Розкопки сіверянських могил в с. Шестовиці, на Чернігівщині улітку 1925 року / П. І. Смолічев // Україна. — 1926. — Кн. 1. — С. 179—180.

Смолічев П. Чернігів та його околиці за часів великокнязівських / П. Смолічев // Чернігів та Північне Лівобережжя. — К., 1928. — С. 118—146.

Ткаченко В.В. Історичне краєзнавство: Чернігово-Сіверщина у перше пожовтневе двадцятиріччя / В. В. Ткаченко. — К.: Знання, 2007. — 215 с.

Черненко О.Є. Давньоруські скарби Чернігівського музею / О. Є. Черненко // Родовід. — 1996. — Число 2 (14). — С. 75—77.

ЦДАВО України, ф. 166, оп. 5, спр. 729, 829 арк. (Звіти Волинського, Всеукраїнських ім. Артема, Шевченка, Полтавського, Харківського, Чернігівського державних музеїв та Катеринославської, Одеської публічних бібліотек про їх роботу за 1924/1925 рр. і матеріали до них.).

ЦДАВО України, ф. 166, оп. 6, спр. 2740, 10 арк. (Листування з Чернігівським державним музеєм про його роботу, 24 жовтня 1927 р. — 20 серпня 1930 р.)

ЦДАВО України, ф. 166, оп. 6, спр. 3462, 125 арк. (Листування з Чернігівським державним музеєм

про його штат, особистий склад та виплату зарплати співробітникам).

ЦДАВО України, ф. 166, оп. 6, спр. 7660, 463 арк. (Матеріали про організацію і проведення науково-археологічних розкопок на території України та охорону пам'яток старовини).

Л. В. Я с н о в с к а я

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ
ДРЕВНОСТЕЙ ЧЕРНИГОВЩИНЫ
СОТРУДНИКАМИ ЧЕРНИГОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
В 20—30-е гг. XX в.

В статье рассматриваются результаты археологических исследований памятников IX—XIII вв. на территории Черниговщины сотрудниками Черниговского государственного музея. Сделана попытка проследить историю их изучения, напомнить фамилии незаслуженно забытых исследователей, выяснить их вклад в изучение древнерусского историко-культурного наследия и исторических событий в регионе.

L. Y a s n o v s k a

THE STUDY OF OLD RUSSIAN
ANTIQUITIES FROM CHERNIHIV
REGION BY CHERNIHIV STATE
MUSEUM IN 20 — 30s
OF XX CENTURY

The paper covers the results of archaeological researches on sites dated IX—XIII cent. This studies have been held on the territory of Chernihiv Oblast by Chernihiv state museum. Paper submits the history of study, open the names of forgotten researchers and shows their contribution to the reconstruction of historical events in the region.

НАШІ АВТОРИ

- ЕНЕА Sergiu-Constantin — Dr./PhD, Professor of High School Ion Neculce, Târgu Frumos, Romania.
- RICHARD Nathalie — Doctor, Professor of modern history, History Department, LUNAM université, Université du Maine, Le Mans, France.
- АКИМЧЕНКОВ Віктор Володимирович — аспірант Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського.
- БЕГУНОВА Вікторія Вікторівна — старший лаборант Смоленської експедиції Інституту археології Російської академії наук.
- БЕССУДНОВ Олександр Миколайович — к.і.н., доцент, декан історичного факультету Липецького державного педагогічного університету.
- БЕССУДНОВ Олександр Олександрович — к.і.н., молодший співробітник відділу палеоліту Інституту історії матеріальної культури Російської академії наук.
- БІЛАС Наталія Миколаївна — к.і.н., доцент кафедри археології та спеціальних галузей історичної науки Львівського національного університету ім. І. Франка.
- БУЙСЬКИХ Сергій Борисович — к.і.н., старший науковий співробітник Інституту археології НАН України.
- БУЛИК Наталія Михайлівна — к.і.н., в.о. завідувача Археологічного музею Відділу археології Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
- БУРДО Наталія Борисівна — к.і.н., старший науковий співробітник Інституту археології НАН України.
- ВДОВІН Олександр Сергійович — к.і.н., доцент Красноярського державного педагогічного університету ім. В.П. Астаф'єва.
- ВІДЕЙКО Михайло Юрійович — к.і.н., старший науковий співробітник Інституту археології НАН України.
- ЗАХАРОВА Олена Юрївна — к.і.н., доцент кафедри археології та історії давнього світу Воронежського державного університету.
- КІТОВА Людмила Юрївна — д.і.н., доцент Кемеровського державного університету.
- КЛЮЧНЄВА Ірина Миколаївна — заступник директора з наукової роботи Луганського обласного краєзнавчого музею.
- КОВАЛЬОВА Ірина Федорівна — д.і.н., професор Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.
- КОЛЕСНИКОВА Вікторія Анатоліївна — к.і.н., завідувача Науковою бібліотекою Інституту археології НАН України.

- КОЛИБЕНКО Олександр Володимирович — к.і.н., старший науковий співробітник Інституту археології НАН України.
- КОНТА Ростислав Михайлович — к.і.н., доцент кафедри етнології та краєзнавства Київського національного університету імені Т. Шевченка.
- КОРВІН-ПІОТРОВСЬКИЙ Антон Олексійович — громадський діяч, видавець, м. Київ.
- КУЗЬМІЩЕВ Олександр Геннадійович — лаборант 1-ї категорії Інституту археології НАН України.
- ЛАСІНСЬКА Маріанна Юрївна — к.і.н., доцент кафедри археології, давньої та середньовічної історії Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського.
- ЛИТВИНЕНКО Роман Олександрович — д.і.н., професор кафедри всесвітньої історії Донецького національного університету.
- ЛОЗНИЦЯ Тетяна Вікторівна — лаборант Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- ЛЯШКО Світлана Миколаївна — к.і.н., провідний науковий співробітник Інституту біографічних досліджень Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського.
- МЕЛЬНИКОВА Ольга Михайлівна — д.і.н., доцент, завідувача кафедрою історії Удмуртії Удмуртського державного університету (м. Іжевськ).
- МУЗИЧКО Олександр Євгенович — к.і.н., доцент кафедри історії України історичного факультету Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова.
- НАУЛКО Всеволод Іванович — член-кореспондент НАН України, професор, головний науковий співробітник Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського.
- НАУМОВА Тетяна Володимирівна — хранитель відділу фондів ФДБУК «Військово-історичний і природний музей-заповідник «Куликово поле».
- НАУМОВ Андрій Миколайович — к.і.н., замісник директора по науковій роботі ФДБУК «Військово-історичний і природний музей-заповідник «Куликово поле».
- НЕПОМНЯЩИЙ Андрій Анатолійович — д.і.н., професор Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського.
- НІМЕНКО Наталія Анатоліївна — старший науковий співробітник Науково-дослідного центру історичного краєзнавства Сумського державного університету.
- ПАЛІЄНКО Сергій Володимирович — к.і.н., завідувач науково-дослідною лабораторією Київського університету туризму, економіки і права.
- ПІЧКУР Світлана Сергіївна — аспірантка Інституту археології НАН України.
- РАДІЄВСЬКА Тетяна Миколаївна — старший науковий співробітник Національного музею історії України.
- САМОЙЛЕНКО Любов Григорівна — завідувача Археологічним музеєм Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- СВЯЩЕНКО Зінаїда Василівна — к.і.н., доцент кафедри всесвітньої історії та правознавства Уманського державного педагогічного університету імені П. Тичини.
- СЕГЕДА Сергій Петрович — д.і.н., професор кафедри етнології та культурної антропології Щецінського університету.
- СКРИПНИК Олена Миколаївна — викладач кафедри всесвітньої історії та правознавства Уманського державного педагогічного університету імені П. Тичини.
- СМІРНОВ Олександр Сергійович — к.і.н., провідний науковий співробітник Інституту археології Російської академії наук.
- СОКИРСЬКА Влада Володимирівна — к.і.н., доцент кафедри всесвітньої історії та правознавства Уманського державного педагогічного університету імені П. Тичини.
- СОХАЦЬКИЙ Михайло Петрович — директор Борщівського обласного краєзнавчого музею.
- СТАВИЦЬКА Анастасія Володимирівна — аспірантка ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Г. Сковороди».
- СТАНІЦИНА Галина Олександрівна — завідувача Науковим архівом Інституту археології НАН України.

- СТАРКОВ Валерій Андрійович — к.і.н., доцент, провідний науковий співробітник відділу пам'яток духовної культури Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України.
- КОЗЛОВСЬКИЙ Стефан Кароль (Stefan Karol Kozłowski) — Profesor Uniwersytetu Warszawskiego.
- СТРУКУЛЕНКО Анастасія Степанівна — к.і.н., викладач Дніпропетровського коледжу ракетно-космічного машинобудування Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.
- ТАРАБУКІН Олександр Олександрович — старший науковий працівник відділу досліджень, обліку і паспортизації об'єктів культурної спадщини Житомирського обласного краєзнавчого музею.
- ТЕСЛЕНКО Дмитро Леонідович — к.і.н., доцент, завідувач кафедри всесвітньої історії Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара.
- ТИМЕЦЬ Ігор Васильович — директор Історико-краєзнавчого музею м. Винники.
- ТІХОНОВ Ігор Львович — к.і.н., доцент кафедри археології історичного факультету Санкт-Петербурзького державного університету, директор Музею історії університету.
- ТОЛОЧКО Денис Володимирович — к.і.н., науковий співробітник Національного науково-дослідного інституту українознавства та всесвітньої історії.
- УСАЧУК Анатолій Миколайович — к.і.н., старший науковий співробітник відділу археології Донецького обласного краєзнавчого музею.
- ЦЕЛУЙКО Олександр Петрович — к.і.н., доцент кафедри давньої історії України та архівознавства Львівського національного університету ім. І. Франка.
- ЧАУКІН Сергій Миколайович — аспірант Інституту археології Російської академії наук.
- ЧЕРНОВОЛ Ірина Володимирівна — провідний бібліограф Наукової бібліотеки Інституту археології НАН України.
- ШЕСТАКОВ Ігор Олексійович — завідувач відділом археології Луганського обласного краєзнавчого музею.
- ЯНЕНКО Анна Сергіївна — аспірантка кафедри археології та музеєзнавства Київського національного університету імені Т. Шевченка, провідний бібліотекар Наукової бібліотеки Інституту археології НАН України.
- ЯСНОВСЬКА Людмила Василівна — к.і.н., доцент Чернігівського національного педагогічного університету ім. Т.Г. Шевченка.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ
АДЛУ	— Археологічні дослідження Львівського університету
АИЗ	— Археологические известия и заметки
АК	— археологічна культура
АНТ	— Вісник археології, мистецтва, культурної антропології
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АС	— Археологический съезд
БИ	— Боспорские исследования
ВАН УССР	— Вісник Академії наук УССР
ВГУ	— Воронежский государственный университет
ВОКК	— Вісник Одеської комісії краєзнавства
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет
ВУАК	— Всеукраїнська археологічна комісія
ВУАН	— Всеукраїнська Академія наук
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГАТО	— Государственный архив Тульской области
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ДДУ	— Дніпропетровський державний університет
ДОКМ	— Донецкий областной краеведческий музей
ЕТЦ	— Енциклопедія трипільської цивілізації
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса
ИААСП	— Исследования по античной археологии Северного Причерноморья
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии
ИГС	— История городов и сел УССР
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИА АН УРСР	— Інститут археології Академії наук Української Радянської Соціалістичної Республіки
ІНО	— Інститут народної освіти
КАМ	— Культура античного мира

КБК	— культура багатопружкової кераміки
КЗ ВУАК	— Коротке звітлення Всеукраїнського археологічного комітету
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	— Материалы по Археологии России
МБ(Н)ААЭ	— Материалы Березанской (Нижнебутской) античной археологической экспедиции
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, Львів
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА ГУК ТО ТОИАЛИМ	— Научный архив Государственного учреждения культуры Тульской области «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей»
НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры РАН
НА ИА НАН України	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НА ІА НАН України	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України
НаУКМА	— Національний університет «Києво-Могилянська академія»
НТШ	— Наукове товариство ім. Т. Шевченка
ОАК	— Отчёт Императорской Археологической комиссии
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ПНО	— Проблемы исследования Ольвии
ПКМ	— Полтавський краєзнавчий музей
РА ИИМК	— Рукописный архив Института истории материальной культуры
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РЕІУ	— Радянська енциклопедія історії України
РНК	— Рада народних комісарів
СИМК	— Секция истории материальной культуры
ТБК	— Тульское бюро краеведения
ТГУАК	— Тульская губернская ученая архивная комиссия
ТКМ	— Тульский краеведческий музей
ТОЗ	— Тульский оружейный завод
ТХИМ	— Тульский художественно-исторический музей
УІЖ	— Український історичний журнал, Київ
УСЭ	— Украинская Советская энциклопедия
ХКААМ	— Художественная культура и археология античного мира
Хсб	— Херсонесский сборник
ЦДАВО України	— Центральний державний архів вищих органів влади і управління України
ЦДІАУЛ	— Центральний державний історичний архів України у Львові
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
PAN, PAU, KSG	— Archiwum Nauki PAN i PAU w Krakowie, korespondencja sekretarza generalnego
ZWAK	— Zbór wiadomosci do Antropologii Krajowej
WA	— Wiadomosci archeologiczne

